

АНАТОЛИЙ БЕЗУГЛОВ

•
ХИЩНИКИ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Анатолий Алексеевич Безуглов

Хищники

**Серия «Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40087021

Хищники: роман / Безуглов А.А.: Центрполиграф; Москва; 2019

ISBN 978-5-9524-5304-3

Аннотация

В одном из пушных заповедников Сибири убит приехавший из Москвы специалист по соболиному меху Эдуард Авдонин. Дело поручено старшему следователю областной прокуратуры Ольге Павловне Дагуровой. Первоначально подозрение падает на лесника Осетрова Нила, потом на других лесников, но внезапно в убийстве признается местный псих Флейта. Следователь Дагурова и участковый Резвых отвергают одного подозреваемого за другим...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	67
Глава 6	79
Глава 7	86
Глава 8	100
Глава 9	120
Глава 10	134
Глава 11	146
Глава 12	153
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Анатолий Безуглов
Хищники

Глава 1

Стол был накрыт к пяти часам. Из кухни разносились по всему дому соблазнительные запахи запеченной в духовке индейки и пряного чахохбили, обильно сдобренного хмели-сунели и чесноком.

В пять часов должны были заявиться «гвардейцы» Виталия Сергеевича, как он называл своих парней из геологиче-

ской партии, которую возглавлял не один год.

Но «гвардейцы» не появились ни в пять, ни в шесть.

Ольга Арчиловна Дагурова, еще вчера носившая фамилию Кавтарадзе, пыталась как-то успокоить мужа (они зарегистрировались вчера, в субботу), но Виталий Сергеевич места себе не находил. Дочерна загорелый, с бородой, в ослепительно-белой рубашке и светло-сером костюме, он походил на итальянского кинорежиссера, которого Ольга Арчиловна видела как-то по телевизору.

Если вертолет, улетевший на базу еще утром, не вернулся, значит, что-то случилось, считал Дагуров. Значит, там, в партии, беда.

На свадьбу, помимо геологов, была приглашена лишь Мария Акимовна Обретенова, у которой Ольга Арчиловна три года назад начинала свою работу следователем-стажером. Мария Акимовна привезла индейку, а также подарки: невесте – пуховую кофточку, а жениху – пуловер. Все вещи Мария Акимовна связала сама из козьей шерсти.

Эту женщину с добрым полным русским лицом в несколько кричащем желтом кримпленовом платье трудно было представить в форме младшего советника юстиции.

А Обретенова работала старшим следователем прокуратуры района на крайнем севере их области.

В семь часов Виталий Сергеевич догадался позвонить в авиаотряд. И там сообщили, что с вертолетом, посланным к геологам, произошла небольшая поломка. Летчики передали

по рации, что починку скоро закончат.

Дагуровы вздохнули облегченно. Виталий Сергеевич включил телевизор, чтобы побыстрее пролетело время.

И только около одиннадцати появились гости. Бородатые, загорелые, в свитерах, штормовках и сапогах, пахнущие тайгой и костром. Они вручили молодоженам огромный букет полевых цветов и у порога спели под гитару поздравление.

Увидев накрытый стол в большой комнате двухкомнатной квартиры своего начальника, ребята издали дружное «ого!» и с шумом расселись на стульях.

Молодожены сели на почетное место, в красный угол. Он – справа, она – слева. Рядом с Ольгой Арчиловной устроилась Мария Акимовна. В качестве посаженной матери.

– Ну, все нормально, Оленька, – тихо пожала она руку Дагуровой, словно хотела погасить волнение всего дня. – Сегодня твой день!.. И выпьем, и попоем, и потанцуем.

Потянулись руки к запотевшим бутылкам шампанского. Их серебряные головки выстроились строго в ряд посередине стола.

В потолок полетели пробки, пенистое вино с шипением наполняло бокалы. Пока разливали шампанское, Ольга Арчиловна успела почувствовать на себе пристальный взгляд двух пар глаз. Одни – сверкающие любопытством и нескрываемой радостью глазенки Антошки, семилетнего сына Виталия. Антошка, которому разрешили посидеть со взрослыми самую малость, подмигнул Ольге Арчиловне. Она отве-

тила мальчику веселой улыбкой.

Другой взгляд принадлежал Анастасии Родионовне, бабушке Антошки. Глаза эти были грустные и, как показалось Ольге Арчиловне, смотрели на нее настороженно, даже враждебно. А может быть, ей просто так показалось...

– Дорогие друзья! – прозвучало среди всеобщего шума, и в комнате стало тихо. Это встал один из прибывших бородачей, видимо старший по возрасту. Хотя Виталий торжественно представил каждого из гостей, Ольга сразу не запомнила, кто есть кто. – Генацвале! – повторил парень, явно желая сделать приятное молодой хозяйке дома. – Разрешите провозгласить тост за дорогих Ольгу Арчиловну и Виталия Сергеевича...

– Ура-а! – не выдержал коренастый блондин. Но на него шикнули: тост явно не был закончен.

– Я желаю, чтобы в маршруте, который им определила судьба, было много настоящих открытий! Вот почему я предлагаю...

В это время раздался громкий, властно зовущий к себе телефонный звонок. Аппарат стоял сзади Виталия Сергеевича на тумбочке. Он взял трубку, но буквально через секунду, сказав «пожалуйста», передал ее жене.

– Добрый вечер, – послышался в трубке низкий мужской голос.

– Здравствуйте, Вячеслав Борисович, – сказала Ольга Арчиловна, узнав начальника следственного отдела областной

прокуратуры Бударина. – Рада, что вы позвонили...

– Рады? – удивился Бударин. И замолчал.

Ольга Арчиловна машинально отдала бокал с вином Марии Акимовне и прикрыла микрофон рукой, чтобы не доносился шум застолья. В первое мгновение она подумала, что Бударин решил поздравить ее со свадьбой. Но вспомнила, что в областной прокуратуре никто ничего не знает об этом. Во всяком случае, она никому не говорила... Работала всего ничего. Друзей не было, а приглашать начальство не хотела – сочтут за подхалимаж...

– Ну, если рады, – продолжил Бударин, – значит, в боевом настроении. – И стало ясно: звонок служебный.

Гости невольно притихли, так и не осушив первого бокала.

– В общем, да, – ответила Дагурова.

У нее чуть не сорвалось с языка, что идет свадьба. И наверное, скажи она это Бударину, он поздравил бы и положил трубку.

– Придется вам, Ольга Арчиловна, лететь в Шамаюнский район. Заповедник Кедровый знаете?

– Да, – ответила Ольга Арчиловна, вспоминая, где этот самый заповедник. Прилично: километров четыреста отсюда.

– Убийство, – говорил Бударин в трубку. И в его голосе Ольга Арчиловна уловила озабоченность. – Больше послать некого.

Она хотела спросить, почему этим занимается областная

прокуратура, а не районная. Но Вячеслав Борисович опередил вопрос:

– Понимаете, убит московский ученый... Получено указание сверху: расследование надо вести нам...

– Когда?.. – Ольга Арчиловна умышленно не произнесла слово «выезжать», чтобы не слышали гости.

– Вылетать? Созваниваемся с аэропортом, с вертолетчиками... Час у вас на сборы будет. Машину пришлю.

– Хорошо, – сказала Ольга Арчиловна.

– Дело, я думаю, несложное, – ободряюще произнес Бударин. – Но надо его провести тщательно и аккуратно... За неделю-полторы можно управиться. Убийство на почве ревности. Он факт не отрицает...

«Он», поняла Дагурова, – преступник – признается в убийстве. Значит, будет легче. Ольга Арчиловна положила трубку на рычаг...

Гости вновь оживились, встали, продолжая с бокалами в руках слушать прерванный тост, а Ольга Арчиловна тем временем решала сложную задачу, не зная, как поступить: не выпить – значит омрачить всю свадьбу, а выпить, потом отправиться на место происшествия – и того хуже, можно омрачить всю дальнейшую жизнь.

Почувствовав смятение невесты, Мария Акимовна незаметно для других дернула ее за платье и, мягко улыбнувшись, тихо прошептала:

– Пей, не бойся...

Дагурова пригубила фужер с играющим напитком и... выпила до дна. Конечно, это был «Грушевый дюшес». Она с благодарностью посмотрела на Обретенову. Мария Акимовна, видимо, сразу догадалась, зачем на ночь глядя звонит начальник следственного отдела...

Застучали ложки, вилки, ножи – гости дружно навалились на угощение.

– Надо поговорить, – шепнула мужу Ольга Арчиловна.

На кухню они вышли втроем: Виталий Сергеевич, Ольга Арчиловна и Обретенова.

– Не сердись, Виталий, – сказала Ольга Арчиловна, обняв за плечи мужа. – Так уж получилось: нужно лететь в Шамаюнский район. Срочно, сейчас.

Он было вспыхнул: как это, мол, со свадьбы...

– Раньше надо было думать, кого берешь, – с улыбкой произнесла Мария Акимовна.

– Прости, Оленька, – обнял жену Дагуров. – Сам ведь я тоже...

– Вот-вот, – обрадовалась Обретенова, что Виталий Сергеевич понял положение жены. – Два сапога – пара.

Когда Ольга Арчиловна села в присланную машину, сомнения оставались: почему она не сказала Бударину, что у нее такое событие? Да и по традиции имела право на три дня отдыха. По традиции... А по совести? Дагурова вспомнила: действительно некого было послать в Шамаюн. В отделе сейчас очень туго с людьми. Один из следователей только что

ушел на пенсию, другая – в декрет. Еще один уехал в отпуск. У тех, кто функционировал, своих срочных и сверхсрочных дел хоть отбавляй.

По пути на аэродром Ольга Арчиловна заехала в прокуратуру, чтобы взять следственный портфель, в котором находились фотоаппарат, рулетка, лупа и многие другие предметы: они могут понадобиться следователю при осмотре места происшествия.

В комнате милиции аэропорта ее уже ждали те, кого закон именует специалистами, призванными оказывать следователю содействие в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств: судебно-медицинский эксперт Кабашкин Иван Иванович и криминалист – специалист по оружию Артем Корнеевич Веселых.

Вскоре подошел летчик и сказал, что машина готова и можно лететь.

Через десять минут они сидели в вертолете, а еще через пять уже летели над тайгой.

«Столько лет ждали этого дня, – вздохнула Ольга Арчиловна. – И нате вам...»

Она вдруг ясно представила себе, как впервые увидела Виталия. Ленинград, их старинная квартира на Васильевском острове. Знакомый отца, ученый-геофизик, представляет высокого молодого мужчину с начинающими серебриться висками.

Виталий Сергеевич был, как ей показалось, весь вечер

смущен и просидел в уголке, говорил мало, больше слушал.

«Арчиловские пятницы». Так называли друзья отца те необыкновенные, полные неизъяснимой прелести вечера в их доме. Оля любила эти длившиеся часенъко до рассвета сидения за особую значимость и эмоциональность разговоров и споров, за ту легкость понимания вдруг неожиданно открывающихся истин.

Люди у них бывали разные, и каждый по-своему интересен.

На «арчиловских пятницах» царил «сухой закон». Из спиртного пили только сухие вина, кофе или же безалкогольные коктейли, молочные и фруктовые, на которые мать Оли, Аполлинария Модестовна, была большая выдумщица.

Зато темы для разговора любые, на выбор. Споры о том, где находятся последние работы великого русского художника Карла Брюллова (он умер в Италии, и многие из его полотен не найдены по сей день), перемежались с разговорами о загадке так называемых пульсаров, не дающих покоя астрономам всех стран. Немало копий сломано вокруг вопроса о парапсихологии, волнующего в настоящее время многих. И видимо, не только в настоящее время. Оля была, например, удивлена, узнав на одной из «арчиловских пятниц», что отцом парапсихологии был не кто иной, как автор знаменитых рассказов о Шерлоке Холмсе Артур Конан Дойль. Так, во всяком случае, считают некоторые исследователи.

Когда Оля была маленькой, ее с трудом отправляли спать.

Повзрослев, она уже могла присутствовать на «арчиловских пятницах» до конца. И кто знает, может быть, эти вечера и определили ее выбор профессии.

Как-то разговор зашел о выдающемся русском судебном деятеле, великолепном ораторе, большом знатоке литературы Анатолии Федоровиче Кони. Том самом, который, будучи председателем Петербургского окружного суда, вел процесс по делу Веры Засулич, стрелявшей в столичного генерал-губернатора Трепова. Как известно, Засулич оправдали, что навлекло на Кони немилость царского двора.

Сам факт, что в то тяжелое время нашелся человек, для которого закон и законность оказались превыше всего, превыше монаршей милости и мнения света, потряс воображение молодой девушки. Оля буквально набросилась на сочинения самого Кони и книги о людях, которые были в какой-то степени близки ему по духу и деятельности. Из них она узнала о таких известных дореволюционных адвокатах, как Ф.И. Плевако, В.Д. Спасович, о прокуроре Д.А. Ровинском, о тюремном враче Ф.П. Гаазе, отдавшем свою жизнь и состояние делу помощи заключенным. Простые слова Гааза «спешите делать добро» Оля хотела бы сделать девизом своей жизни.

Потом было увлечение детективами. И когда подошло время поступать в институт, она не колеблясь подала заявление на юрфак университета, где ее отец был профессором кафедры гражданского права.

Мать была огорчена этим выбором. Аполлинария Моде-
стовна мечтала совсем о другом поприще для дочери. Сама
она родилась, выросла в Новгороде, закончила в свое время
институт иностранных языков и всю жизнь проработала ги-
дом-переводчиком. Ее сокровенная мечта – когда-нибудь за-
няться переводом французских романов. Но годы уходили,
и она хотела, чтобы ее мечту воплотила Оля.

Но Оля подала документы на юридический факультет.
Однако на вступительных экзаменах недобрала полтора бал-
ла. Это ее не остановило, наоборот – подхлестнуло. Она по-
шла работать секретарем суда. И через год добилась своего:
нужные баллы были набраны.

Смирившись, родители теперь лелеяли надежду, что дочь
пойдет в науку, как Арчил Автандилович. Нельзя сказать,
чтобы наука ее не интересовала. Юрист, по ее мнению, дол-
жен быть подкован, как говорится, на все четыре ноги. Она
даже вступила в студенческий научный кружок по истории
государства и права. Учась на втором курсе, Оля сделала на
заседании этого кружка свой первый доклад – о Дмитрие
Ивановиче Курском, который был с 1918 по 1928 год народ-
ным комиссаром юстиции и первым генеральным прокуро-
ром республики.

На последнем курсе университета Ольга выступила на
общеуниверситетской научной конференции. На этот раз
она говорила о деятельности Дмитрия Александровича Ро-
винского, который в середине прошлого века занимал пост

московского губернского прокурора. Ровинский относился к тем людям с чистым и высоким моральным обликом, чей многосторонний и бескорыстный труд служил интересам и развитию самосознания общества. В эпоху взяточничества и темного своекорыстия Дмитрий Александрович Ровинский оставался честным и преданным делу законности прокурором. Вот уж поистине луч света в темном царстве!

Как-то в одной из речей перед вновь назначенными следователями Ровинский сказал: «Будьте людьми, господа, а не чиновниками! Опирайтесь на закон, но объясняйте его разумно, с целью сделать добро и принести пользу. Домогайтесь одной награды: доброго мнения общества, которое всегда отличит и оценит труд и способности. Может быть, через несколько лет служба еще раз соберет нас вместе – дай бог, чтобы тогда вы могли сказать всем и каждому:

Что вы служили делу, а не лицам.

Что вы старались делать правду и приносить пользу.

Что вы были прежде всего людьми, господа, а уж потом чиновниками...»

Чем больше Ольга узнавала о Д.А. Ровинском, тем больше нравился он ей, тем сильнее у нее было желание шире пропагандировать жизнь и деятельность этого замечательного юриста и гражданина прошлого, чьи духовные идеалы не теряют своей актуальности и в наши дни. «В самом деле, – думала Ольга, – почему сейчас, в наше время, когда имеются все условия быть простым, доступным для всех и каждого,

быть честным, чистым, принципиальным, еще нередко попадаются чиновники, высокомерные к подчиненным, но зато пресмыкающиеся перед начальством, для которых понятия «совесть», «гражданский долг» – красивые слова, и не больше». По инициативе государственной экзаменационной комиссии ученый совет факультета рекомендовал Ольгу в аспирантуру. Но она, к удивлению многих, и прежде всего своих родителей, попросила послать ее на следственную работу. Ее желание учли. Направление она получила в прокуратуру города Ленинграда.

И быть бы ей следователем в своем родном городе, но тут появился Виталий Сергеевич.

Он приехал в Ленинград на курсы повышения квалификации геологов и нашей Северной Венеции совсем не знал. Это признание Ольга услышала от него в первый вечер на «арчиловской пятнице».

Влюбилась ли она с первого взгляда? Пожалуй, этого сказать нельзя. Но чем-то молчаливый геолог с Дальнего Востока заинтересовал ее. Она вызвалась показать ему город.

Стояли белые ночи, когда «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса». Ах, эти белые ночи! Они кружат и туманят голову.

У Ольги только что произошел разрыв с Германом Новоспасским, парнем, которого родители считали уже своим зятем. И Оле он нравился. Спортивного типа, остроумный, компанейский. Будущий кораблестроитель. Правда, учился

он на курс ниже. Отец его был заместителем директора крупного производственного объединения. Но это не имело для Ольги никакого значения. Сын был вполне самостоятельным человеком. С его слов Ольга знала, что он занимался техническими переводами, на каникулах работал инструктором на горнолыжной базе и на свои деньги выстроил кооперативную квартиру.

И вот Ольга совершенно случайно узнала, как он на самом деле зарабатывал.

Его сокурсники уехали на стройки Нечерноземья в составе студенческого строительного отряда, а он устроился... в камеру хранения на вокзале. И доход там имел немалый. Метод был прост. Вешалась табличка «мест нет», хотя их было сколько угодно. А куда деться приезжому? Чтобы пристроить свои чемоданы и авоськи, готовь трешку или даже пятерку «на лапу». Так и набегало за день до ста рублей левых...

Об этом Герман проговорился Ольге, «перебрав» в ресторане. После этого Новоспасский звонил, просил о встрече. Ольга сказала, чтобы духу его больше не было в их доме. Она была потрясена, узнав, что этот только что вступающий в жизнь человек уже имеет двойное дно...

А Виталий Сергеевич ей показался совсем другим: чистым, честным, целеустремленным. Хоть и на пятнадцать лет он старше, но ей с ним было интересно. А уж как он любил свой край! И его жителей! А точнее – их характер, который, по его убеждению, может выработаться только там, за

Уралом.

Пробежали дни учебы на курсах. Дагуров позвонил в управление и взял отпуск. Пролетел и отпуск. Расставаясь, Ольга вдруг почувствовала, что уезжать Виталию грустно. И когда она спросила, почему он так ничего и не рассказал о своей личной жизни, Виталий буркнул что-то вроде «это неинтересно» и в подробности вдаваться не стал. Он улетел, и в ее душе как-то сразу стало пусто. А тут зарядили ранние сентябрьские дожди. Долгие и тоскливые.

Виталий обещал писать, но не прислал даже открытки. И если существовала телепатия, то Ольга ощущала ее на себе. Ей казалось, что он что-то недоговорил, не открылся до конца в чем-то самом главном, в самом важном для них обоих. И она решила поехать в далекий город, чтобы быть рядом.

Как гром среди ясного неба стало для родителей заявление дочери, что она хочет ехать на Дальний Восток. Не выдержав слез жены, Арчил Автандилович нажал на знакомых, чтобы ее не отпускали из городской прокуратуры, куда она должна была явиться по распределению.

Тогда Ольга села в «Стрелу» и через два дня вернулась из Москвы, добившись в Прокуратуре СССР нового назначения.

Ольга уехала с двумя чемоданами. В одном – вещи, в другом – книги. Прямо с самолета она заявила в областную прокуратуру, куда ее направили по новому распределению. Ольге предложили поехать в район. Она растерялась. Прие-

хала, чтобы жить в одном городе с Виталием, а ее посылают куда-то в район. Сказать «нет», а чем объяснишь? Ведь они не муж и жена. Даже не жених и невеста. «Хочу остаться в областном центре» – не довод...

А тут как раз заместитель областного прокурора ехал в район, где ей предложили работу, и взялся подвезти на своей машине, помочь на месте.

Короче, решили в два счета. Так Ольга оказалась стажером у Марии Акимовны Обретеновой. И первое время даже жила в ее доме.

В общении с Обретеновой рухнули у нее привычные представления о том, каким должен быть следователь. Нет, следователем Мария Акимовна была отличным. А вот в быту... Она любила возиться по хозяйству, имела коз, огород. Муж Марии Акимовны жаловался: жена в командировке, а коз доить приходится ему. Несolidно. Но это он ворчал так, скорее для порядка.

Через месяц отец переслал Ольге письмо от Виталия Сергеевича. Он сообщал, что не писал потому, что сразу уехал в экспедицию, а точнее – хотел заставить себя считать их знакомство, встречу случайными, «хотел, но не смог и не могу...».

Каково же было удивление Виталия, когда вместо ответного письма из Ленинграда к нему в экспедицию неожиданно-негаданно явилась Ольга, проделав на самолетах путь чуть ли не в тысячу километров!

Вот тогда она и узнала то, о чем Виталий раньше не решился сказать.

Виталий был вдовец. За пять лет до этого у него погибла жена, тоже геолог. Самое страшное – погибла на его глазах. Это случилось, когда они были на маршруте в районе хребта Черского. А как погибла – Виталий так никогда и не рассказывал. Но, главное, у него был сын Антошка. Семи лет. Мальчик находился на попечении бабушки Анастасии Родионовны, матери погибшей жены Виталия.

Вся беда в том, что чуть ли не с грудного возраста у Антошки болели почки. И то, что разрешалось другим детям и составляло, собственно, радость мальчишек – шалости, лакомства, – для Антошки было запрещено. Анастасия Родионовна, еще крепкая, энергичная женщина, вышла из-за внука на пенсию, как только подошел срок, хотя еще могла и хотела бы работать, потому что была хорошей закройщицей в ателье и специальность свою любила. С мужем она развелась давно, новую семью не завела, и единственным смыслом своей дальнейшей жизни она считала воспитание внука, любимого и дорогого вдвойне от тоски по рано и трагически погибшей дочери.

Потом уже Виталий рассказал Ольге о том, что он передумал и почувствовал в Ленинграде. Да, она понравилась ему сразу. А ведь после смерти жены он не мог взглянуть ни на одну женщину. Но когда увидел ее, то понял: что-то в нем снова возродилось. Но на что он мог надеяться? Разни-

да в возрасте. И он никогда не покинет свои края, а Ольга – Ленинград. Ну даже если бы он поступился своей привязанностью к Дальнему Востоку, что бы он делал с Антошкой и тещей? Где бы они жили в Ленинграде? Он, сын, теща – не слишком ли много, пускай даже для трехкомнатной квартиры профессора Кавтарадзе?..

Приезд Ольги в их края решил вопрос их любви. Но не больше...

Виталий Сергеевич познакомил Ольгу с сыном. Они быстро нашли общий язык. Однако теще Виталия Сергеевича союз между внуком и женщиной, которая хотела стать ему матерью, показался, видимо, опасным. Ольга поняла это, видя заплаканные глаза Анастасии Родионовны, которая переносила ее появление в доме молча, но всем своим видом показывая тихое отчаяние.

И то, что Ольга поехала в район, оказалось на самом деле выходом: Анастасии Родионовне было время привыкнуть, понять...

Встречались Ольга с Виталием почти тайком. Это были радостные, хотя и редкие дни, как куски жаркого томительного лета среди северных холодов. Приходилось скрывать от сослуживцев их нечастые встречи в городе и районе, чтобы не дать поводов для кривотолков. Ведь всего они объяснить не могли, да и не желали. Единственный человек из прокуратуры, кто знал об их отношениях, была Обретенова. Мария Акимовна понимала Ольгу и Виталия. Как мать...

Так прошло три года. Ольга Арчиловна работала уже в должности следователя прокуратуры. На ее счету было немало раскрытых преступлений. Кстати, по одному из последних дел об изнасиловании был замешан сынок одного известного в районе человека. На следователя пытались нажать, чтобы смягчить участь этого шалопаю. Ольгу Арчиловну упрасивали, уговаривали и даже пугали. Сам райпрокурор намекал, что неплохо бы это дело спустить на тормозах. Но Ольга Арчиловна не поддалась и довела расследование до конца.

В области принципиальность следователя оценили. И даже перевели в областную прокуратуру.

Ольга Арчиловна была повышена в должности (старший следователь облпрокуратуры) и классном чине (юрист первого класса). И только в личной жизни оставалась неопределенность. Но буквально через месяц после переезда Ольги Арчиловны в город Виталий Сергеевич наконец решился на серьезный разговор с тещей... Все стало на свои места.

...Вот так получилось, что только через три года они сыграли наконец свадьбу. Без фаты и легковой машины, украшенной лентами. Не знали о дне свадьбы даже Арчил Автандилович и Аполлинария Модестовна. Виталий хотел, чтобы они прилетели: его родителей уже не было в живых. Но Ольга Арчиловна посчитала, что это не нужно: звать отца – придет половина Грузии, будет много подарков, пышности, а здесь к этому не привыкли, да и не хотелось привлекать к

себе излишнее внимание...

Глава 2

– Кажется, прибыли! – услышала Дагурова и, оторвавшись от своих воспоминаний, глянула в окошечко: там в темноте показались три светящиеся точки. Как на школьной доске – углы равнобедренного треугольника.

Винтокрылая машина зависла в воздухе, потом как бы нехотя, слегка покачиваясь, стала опускаться вниз. А огненные кружки все приближались, постепенно превращаясь в высокие огненные факелы. Вертолет приземлился. Летчик открыл дверцу, и в машину ворвался густой тягучий смолянистый воздух. Ольге Арчиловне вспомнился запах новогодней елки с настоящими стеариновыми свечами, которые так любил зажигать отец.

Кабашкин производил странные движения обеими руками – как мусульманин, проводил ладонями по лицу, шее, лбу.

– Помажьтесь, – протянул он следователю белый тюбик. – А то сожрут до костей.

«Против комаров, – догадалась Дагурова, выдавливая на ладонь червячок мази с горьковатым запахом. – А мы с Виталей об этом не подумали».

К машине, отбрасывая тень, приближался высокий мужчина.

– Разрешите представиться, – подошел он к Артему Кор-

неевичу, приняв его за старшего по должности. Веселых молча переадресовал подошедшего к следователю.

– Гай, – отрекомендовался Ольге Арчиловне встречающий. – Федор Лукич. Директор заповедника...

Гай был одет в добротный костюм, поверх которого растегнутая куртка из тонкой кожи. На голове замшевая кепка. Отблески костров размывали черты его лица.

«Лет сорок – сорок пять», – определила следователь. И отметила про себя, что фигура и осанка у директора как у военного.

– Как пройти к месту происшествия? – спросила у Гая следователь.

– Недалеко.

Он подвел Дагурову к краю поляны. Это было метрах в пятнадцати от вертолета. Дальше обрыв, зияющий темнотой.

Следователь посоветовалась с Кабашкиным и Веселых: как быть? В такой темноте работать было невозможно.

– Что-нибудь придумаем, – как всегда, немногословно ответил Артем Корнеевич и направился к летчику.

– Спускаться метров пятьдесят, – снова послышался голос Гая. Он стоял рядом и тоже вглядывался в темноту.

– Помилуйте, батенька, – насмешливо произнес Иван Иванович. – Мои старые кости очень плохо срастаются...

– А в обход километра полтора, – как бы извиняясь, произнес директор заповедника. – В принципе, ничего опасного...

Возвратился Веселых с вертолетчиком. В руках у них был не то прожектор, не то фара, от которой к вертолету тянулся тонкий гибкий кабель.

Летчик щелкнул каким-то тумблером. Яркий луч света скользнул по извилистой тропе, перескакивающей с уступа на уступ, и уперся в землю, выхватив круг с курчавыми кустами, рядом с которыми виднелась фигура лежащего человека. Из темноты появилась еще одна фигура и, заслонившись от яркого света одной рукой, другой помахала в их сторону.

Гай оказался прав: спустились в распадок они довольно легко.

– Слава богу, добрались, – подошел к ним человек в странном одеянии: кирзовых сапогах, спортивных брюках и стеганой ватной фуфайке, из кармана которой, как у опереточного разбойника, торчала рукоятка пистолета. Его полное лицо с улыбчивыми глазами было озабоченно и в то же время светилось доброжелательностью.

«Пенсионер, что ли? – подумала следователь. – Ветеран местной милиции? Надо же, и не побоялся один в такой темноте рядом с трупом...»

– Участковый инспектор, – отрапортовал он следователю. – Капитан Резвых.

– Как же быть с понятыми? – спросила Ольга Арчиловна.

– Я думаю, вот товарищ Гай не откажется, а вторым попросим летчика, – предложил участковый.

Дагурова молча кивнула головой. А сама мучительно вспоминала схемы, правила и наставления, которые предусматривают очередность действий в таких случаях. И никак не могла сообразить, что надо делать сначала – поговорить с участковым или сразу приступить к осмотру места происшествия.

Дело в том, что убийство ей самостоятельно расследовать приходилось впервые. Однажды, будучи стажером у Обретеновой, она участвовала в следствии по делу об убийстве. Но тогда Дагурова была, так сказать, на подхвате. А вот теперь приходится самой...

Капитан ждал.

– Подозреваемый в убийстве задержан? – обратилась к нему Дагурова.

– А как же... – с расстановкой произнес Резвых. – Под охраной.

– В райотделе?

– Нет, у нас в поселке. Жена стережет...

– Как жена? – удивилась Ольга Арчиловна. – Чья жена?

– Да вы не беспокойтесь. Она со мной больше тридцати лет... И не в таких переделках бывала... Я что подумал, товарищ следователь, вы захотите допросить его... Вот и не стал отправлять...

– Хорошо, – кивнула Ольга Арчиловна. – Приступим к осмотру.

Убитый лежал на боку со странно подвернутой ногой. Как

будто он старался в последний миг подняться, но не смог.

Ярко сверкнула фотовспышка, одна, вторая... И как рефрен доносились откуда-то рядом тихие вздохи и шептания реки.

Судебно-медицинский эксперт, осматривая труп, то и дело отмахивался от комарья, тучей вьющегося в снопе света, лившегося сверху, с обрыва.

На убитом были резиновые сапоги, плотные спортивные брюки. Штормовка из непромокаемой ткани с надетым на голову капюшоном слегка задралась на спине. Противомоскитная сетка прилипла к лицу, залитому кровью. Карманы куртки были вывернуты. Документов никаких. Впрочем, и других предметов тоже, кроме носового платка. На левой руке японские часы «Сейко» с массивным браслетом. Часы шли и показывали начало третьего.

По предварительному заключению судмедэксперта, смерть наступила часов пять назад, между 21 и 22 часами 27 июля.

Справившись с первым волнением, Дагурова теперь действовала спокойнее. Горячность и какая-то внутренняя дрожь (кажется, ей удалось скрыть это от окружающих) сменились другой дрожью – было зябко и сыро, коченели кончики пальцев, державших авторучку.

Врач, заметив, что Дагурова вконец продрогла, накинул ей на плечи свой плащ, оставшись в толстом свитере.

– Смерть наступила сразу? – спросила следователь.

– Наповал... – махнул Кабашкин рукой. – Ранение сквозное, от уха до уха...

– Как вы думаете, положение трупа не изменяли?

– Судя по потекам крови – нет.

Этот вопрос следователь задала неспроста: ее смущали вывернутые карманы штормовки.

Небо начало сереть. И тени людей, колыхающиеся в лучах света, были уже не такими четкими.

Веселых делал какие-то странные проходки вокруг трупа, то приближаясь, то удаляясь от него. Вид у Артема Корнеевича был недовольный. Ольга Арчиловна поняла: при таком свете работать ему нелегко. Кабашкин тоже заметил состояние Веселых и, не обращая ни к кому, произнес:

– Ничего, уже светает...

Веселых мельком глянул на небо и попросил у Кабашкина закурить.

– Проклятый гнус, – затаился он сигаретой, закашлялся и стал помахивать рукой возле лица. Было видно, что некурящий.

Следователь и его помощники осматривали каждый сантиметр земли в радиусе метров двадцати вокруг трупа. Никаких подозрительных предметов не нашли. И только густая трава хранила следы ног.

Заканчивали осмотр места происшествия, когда светлеющее небо четко обрисовало край распадка, конус далекой сопки и изломанную линию верхушек деревьев.

Вертолетчик улетел с радостью: происходящее явно подействовало на него удручающе, и он постарался поскорее покинуть это место, сделав прощальный круг над распадом. Эхо от шума вертолета прокатилось по ущелью. Гай спросил, останется ли вся группа в заповеднике и нужен ли он еще тут, возле убитого.

Ольга Арчиловна сказала, что в Кедровом им придется пробыть некоторое время, поблагодарила директора за участие в осмотре и отпустила. Он ушел тоже с облегчением. Понятно, занятие невеселое и может подействовать даже на человека с крепкими нервами.

– Если что надо, – сказал на прощание Федор Лукич, – я буду у себя, в Турунгайше.

Турунгайш – центральная усадьба, где размещалась дирекция заповедника и жили его немногочисленные сотрудники. Вскоре следователь и участковый отправились туда же. А Кабашкин и Веселых остались, сославшись на то, что им еще надо поработать. Судмедэксперт попросил капитана связаться с райцентром и обеспечить транспортировку трупа для вскрытия...

– Арсений Николаевич, – обратилась по дороге к капитану следователь, – введите меня, так сказать, в оперативную обстановку.

Резвых помог Дагуровой перебраться через небольшой ручей и только потом начал свой неторопливый обстоятельный рассказ:

– Вчера под вечер, когда уже смеркалось, мы с женой вернулись с рыбалки. Есть тут озеро неподалеку. Замечательное озеро, Нур-Гоол называется. С островком посередине. Значит, пришли домой. Не успели переодеться, вижу, бежит Нил Осетров, лесник здешний. Молодой парень, лет двадцать пять ему... Забегает он ко мне, сам не свой, и говорит: в тайге в него стрелял какой-то тип. Он, Осетров, тоже выстрелил и, кажется, убил... Я, конечно, прежде всего уточнил: где, когда, какой тип? Нил отвечает, что в распадке, мол, минут двадцать назад. А что за тип, не знает. Темно уже было, да и лицо все в крови... Я в чем был, – он показал Ольге Арчиловне на свое странное одеяние, так удивившее ее при знакомстве, – побежал с Осетровым на место происшествия. Только успел сунуть в один карман пистолет, а в другой фонарик и надеть милицейскую фуражку. Жена схватила со стены охотничий карабин и тоже подалась вместе с нами. Мало ли, вдруг банда какая... Когда прибежали туда, смотрю – и в самом деле лежит человек этот убитый... Посветил я фонариком, да так и ахнул: это же Авдонин, ученый из Москвы. Ну, думаю, дела! Что же ты, говорю, паря, натворил? А Осетров весь дрожит... Еще бы, впервой, видать, в человека стрелял... А тут еще такое – убить своего ни за что ни про что...

Резвых перевел дух. Они одолевали невысокий пригорок, заросший молодыми лиственницами, кудрявившимися в неярком утреннем свете. Подъем капитану давался нелег-

ко.

– Что, они были незнакомы? – спросила следователь. Ее ходьба разогрела.

– Виделись... Но я же говорил – в тайге было темно... Нил объясняет: заметил, мол, незнакомого человека с мешком и ружьем, окликнул, все как положено. А тот от него. Нил крикнул: «Стой! Стрелять буду!» Нельзя ведь в заповеднике посторонним с оружием. А незнакомец только шагу прибавил. Осетров в воздух пальнул, для предостережения. Тогда этот, с мешком, повернулся – и в Нила стрельнул...

– Как? Из чего? – уточнила Ольга Арчиловна.

– Уверяет, что из ружья... После этого Осетров с ходу опускает свой карабин и прямо без прицелки бабахает...

Упал, говорит, как подкошенный. Нил подбежал, смотрит: тот готов. Ну и сразу ко мне...

– А когда вы прибежали, ружье возле пострадавшего было?

– В том-то и дело: ни ружья, ни мешка. Смекаю, тут что-то не то... Первая, значит, у меня версия такая: с перепугу это вышло у Нила. За браконьера принял Авдонина. Сумерки, что-то померещилось, ну и затомашился¹ парень. Знаете, как бывает...

– У страха глаза велики, – подсказала следователь.

– Вот-вот, велики, да ничего не видят...

– Вы первый прибыли на место происшествия?

¹ Затомашиться – растеряться, потерять голову (*местн.*).

– Точно. Никого не было. Это уже потом Гай появился.

– Выходит, ружье и мешок у Авдонины – фантазия Осетрова?

– Испариться же они не могли... – Капитан с прищуром посмотрел на Дагурову. – Я сам говорю Нилу: не темни, паря, выкладывай все начистоту. А он клянется, божится, что так все оно и было, как рассказал... Засомневался я, по правде говоря.

Некоторое время Дагурова и Резвых шли молча. Следователь обдумывала сказанное капитаном. А тот ожидал дальнейших вопросов. Чуть дунул ветерок, пахнувший сыростью и прелью.

– А вы как полагаете? – спросила наконец она капитана. – Почему все-таки Нил стрелял?..

– Засомневался я, значит, и решил... нет, тут дело может быть в другом... Ну, посмотрите сами... У Гая дочь, Чижик, извините, Маринка. Нил с ней с детства дружил. А кто знает, где кончается дружба и начинается любовь? Никто. А тут Авдонин появляется. Тоже ему девчонка приглянулась. Сами понимаете: где узко, двоим не разойтись... – Капитан развел руками: мол, вопрос ясен и распространяться особенно нечего.

– Взрослая дочь?

– Школу нынче закончила. Собирается в институт. В Москву, насколько мне известно.

«Господи, совсем ребенок! – подумала Ольга Арчилов-

на. – Какие тут могут быть еще страсти... Да, но ведь шекспировской Джульетте было четырнадцать лет! Хорошо, пусть Шекспир и выдумал. А Нине Чавчавадзе, в которую безумно влюбился великий Грибоедов? Столько же...»

Резвых, словно угадав ее мысли, добавил:

– Не простая девочка. Ой не простая. С таким-этаким... – Он покрутил в воздухе пальцами, не находя слов для объяснения.

– А мать кто?

– Нету матери. Двое они – Федор Лукич и Чижик...

– Чижик? – переспросила следователь.

– Так ее с детства все зовут... А почему так прозвали Марину, не знаю. – Капитан помолчал и продолжил: – Вот и жили они – Гай в Турунгайше, а Чижик в школе-интернате, в Шамаюне, у нас в райцентре... Жена Федора Лукича, говорят, умерла, когда девочке и годика не было... Не любит об этом директор распространяться.

– Значит, Гай не женат?

– Не нашел, видать, подходящей. Или первую забыть не может. И такое бывает...

Дагурова пожалела, что понятым пригласила Гая. Но она ведь даже не предполагала, что его дочь причастна к происшествию...

Как-то сразу вдруг показались дома. Крепкие, рубленные из толстых бревен.

– Пришли, – сказал Резвых. – Турунгайш.

– Как? – удивилась Ольга Арчиловна.

– А вы думали – универмаги, театры, – усмехнулся участковый инспектор.

Турунгайш расположился на сухом, проветриваемом месте. Сырость осталась в тайге, которая тут расступилась, давая место свету и воздуху. Возле изб садики и огороды. А возле одной торчал шест металлической антенны с тросами распорок, будочка на столбе с приставленной лесенкой да еще какое-то сооружение, явно имеющее отношение к метеорологии.

– А что за человек этот Осетров? – поинтересовалась Дагурова.

– Да как вам сказать? Малый с характером. Из армии пришел два года назад. Учится заочно в институте... Браконьеру лучше ему не попадаться – никаких поблажек. Очень суров... На кордоне живет. – Резвых подумал, что еще добавить к такой краткой характеристике. И очень веско произнес: – Непьющий.

– А как насчет судимости?

– Имел... Мотоцикл прежнего участкового разбил. А что и как – увы. Я ведь тут без году неделя...

– Мне бы хотелось подробнее об этом.

– Это нетрудно, товарищ следователь. Узнаю...

Поселок еще спал. Высоко в небе чуть зарозовели облака. На горизонте серебрилась вершина сопки, чем-то напоминающая изображение знаменитой Фудзиямы со старинного ри-

сунка Хокусаи. И, словно довершая общий вид, на ее фоне раскорячились изогнутыми ветвями несколько причудливых крон сосен...

Резвых показал свой дом – длинный сруб, словно составленный из двух. Одна половина была оштукатурена, другая – просто покрашенные бревна.

– Арсений Николаевич, – спросила следователь, когда капитан подвел ее к зданию дирекции заповедника, – а вы сами-то выстрелы слышали? Сколько их было, не помните?

Капитан задумался.

– Уж два – это точно... А может быть, три... Честно говоря, не обратил внимания.

Глава 3

Возле служебного домика, где располагалась дирекция заповедника, стоял щит. На нем плакат с нарисованным крестом, перечеркнутым крест-накрест, и надписью: «Помни, из одного дерева можно сделать миллион спичек, а одной спичкой сжечь миллион деревьев».

Ольга Арчиловна поднялась по скрипучему крыльцу, вошла в сени, из которых вели две двери. Она наобум толкнула левую. За столом, в утреннем полумраке, сидел Гай.

– Можно? – спросила следователь.

– Заходите, конечно. – Федор Лукич щелкнул выключателем, и над столом вспыхнул желтый конус света.

Директор сцепил руки, опустил на них подбородок.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – сказал он, и Дагурова поняла, как устал и измучен директор событиями этой ночи. – Вот сижу, думаю и до сих пор не могу прийти в себя, – продолжал Гай. – Как в кошмаре...

– Понимаю... – неопределенно ответила следователь.

– Вам, конечно, привычно...

– Мне кажется, к убийствам привыкнуть нельзя...

Директор вскинул на нее утомленные и недоверчивые глаза. А Ольга Арчиловна подумала: если бы он знал, что она впервые по-настоящему столкнулась с гибелью человека, вот так, лицом к лицу, и сколько сама пережила в том распадке

под причитание реки.

Сейчас наконец она разглядела Гая как следует. Удлиненное лицо с волевым подбородком и глубокой ямочкой посередине. Волосы густые, прямые, подстрижены коротко, как у подростка, и это молодило Гая. А вот глаза выдавали возраст: сеточка морщин разбежалась к ушам и скулам. Впрочем, волнение, бессонная ночь. Это состарит любого...

– Просто не укладывается в голове, – вздохнул директор. – Какая нелепость, чушь!.. А главное – нет человека... Такого человека!..

– Давно знаете Авдонины? – спросила Дагурова. Честно говоря, она все еще раздумывала, как приступить к разговору: ей казалось не совсем уместным начать с формальностей, предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний и прочего. А записывать разговор на магнитофон, пожалуй, и вовсе было бы некстати...

– Эдгара Евгеньевича? Несколько лет. – Федор Лукич задумался. – А точнее – три года. Он вел научную работу, связанную с нашим сободем...

Гай встал, достал из застекленного шкафа книжечку в мягкой обложке и протянул следователю.

«Э.Е. Авдонин. Влияние циклических климатических колебаний на ценность меха промысловых пушных зверей Дальнего Востока». Брошюра небольшая, страниц пятьдесят. Вышла в Москве, в издательстве «Колос». На титульном листе поперек названия размашистая дарственная надпись:

«Дорогому Федору Лукичу – одному из тех, кто искренне и плодотворно содействовал появлению этого скромного труда. С глубокой благодарностью автор». И подпись.

– Собирался защищать докторскую, – резюмировал Гай. – И защитил бы, я уверен. Идеи у него интересные... – Директор положил книгу на место. – Были, – добавил он со вздохом.

Следователь окинула взглядом кабинет Гая. Большая, выполненная цветной тушью схема заповедника на стене, портрет, видимо, какого-то ученого в рамке под стеклом, книжный шкаф, а на нем – чучело изящного зверька.

– Куница? – поинтересовалась Ольга Арчиловна.

– Колонок, – пояснил Гай. – Но здесь уместнее был бы соболь. Заповедник создан ради него...

– Простите, я вас перебила...

– Ничего, ничего... Значит, об Авдонине, – глубоко вздохнул Гай. – Я ведь особенно близко его не знал. Приедет на две-три недели. В основном зимой. А у нас в это время самые хлопоты. Подкармливать зверей, птиц... Да еще охотнички забредают. Глаз да глаз нужен... Честно, даже иной раз обижался, что не уделяю ему внимания...

– А как же «с благодарностью»? – кивнула Ольга Арчиловна на книжный шкаф.

– Обычная вежливость, – отмахнулся Федор Лукич.

– А где он работал?

– Преподавал. В институте, в Москве... Первоклассный

специалист по пушнине. И даже в столице заметная фигура. Бывал на международных аукционах... Вот только что вернулся из длительной заграничной командировки...

– И все-таки, Федор Лукич, что вы можете сказать о личных качествах Авдонины? – настаивала Ольга Арчиловна. Она искала возможность перейти к главному, к дочери Гая.

– Ну что? Простой, внимательный. Несмотря на свое положение, не отказывал никому в услугах. Мелких. Кому лекарство там из Москвы, кому книгу... Любил фотографировать. Снимки привозить или присылать не забывал. А то знаете, нащелкать – одно, а как до фотокарточки доходит... – Гай махнул рукой.

– Сколько ему было лет?

– Что-то около тридцати пяти.

– Говорите, приезжал только зимой? И часто?

– В основном зимой. Правда, бывал и летом. Но всего два-три дня. Проверить научные наблюдения...

– А когда приехал в этот раз?

– Вчера. Где-то в середине дня. Мы успели перекинуться несколькими словами. Он пошел отдыхать после дороги, устраиваться...

– Куда?

– Где и вы будете жить. В академгородке...

– Где? – переспросила следователь.

– Да нет, вы не подумайте... Это наш домик для научных сотрудников и командированных. Метров восемьсот отсю-

да... Кто-то в шутку назвал академгородок, так и осталось.

– Покажите, пожалуйста, – встала Дагурова и подошла к карте-схеме заповедника.

Гай ткнул пальцем в кружочек с надписью: «Академгородок».

– Как вы узнали об этом убийстве?

– Дочь прибежала. Сама не своя. Говорит, Осетров какого-то браконьера застрелил.

– Простите, вы где были в это время?

– У себя дома. Смотрел телевизор... Развлечений у нас мало. Вот и сидел, наслаждался футболом. – Он усмехнулся. – Да, наслаждался... И тут нате вам, такой сюрприз... Ну я, конечно, бегом туда. Там уже находились участковый, его жена, Нил Осетров... – Гай провел рукой по лицу, словно хотел смыть, стереть из своей памяти ту страшную картину.

– А где произошло убийство? – глянула на схему следователь.

– Вот здесь, – показал директор. – Приблизительно на середине между Турунгайшем и академгородком.

– У Авдонины ружье было? – спросила Ольга Арчиловна.

– Когда?

– Когда вы днем виделись.

– А как же. У Эдгара Евгеньевича отличный заграничный карабин. У нас без ружья не ходят. Тайга. Зверье...

Они вернулись к столу.

– Что вы можете сказать об Осетрове, – спросила Дагуро-

ва.

– Как о работнике? – уточнил Гай.

– Хорошо, сначала как о работнике.

– Ну, во-первых, Осетров – потомственный охотник, – подумав, сказал Федор Лукич. – Учится на охотоведческом факультете. Заочно. И надо признать, что в последнее время особых замечаний его поведение не вызывает. Как будто все шло теперь нормально...

Ольга Арчиловна обратила внимание на то, что Гай не пытается очернить, охаять Осетрова, как это бывает нередко в тех случаях, когда человек что-то натворит. Тут не так. Правда, Дагуровой показалось, что директор заповедника, стараясь быть объективным в оценке своего подчиненного, акцентировал на словах «в последнее время», «теперь» – видно, в прошлом служебное поведение молодого лесника имело свои сучки и задоринки. Интуиция не подвела следователя. Когда Дагурова решила уточнить обстоятельства, характеризующие Осетрова, Гай рассказал, что несколько лет назад он вынужден был наказать Нила: один раз за разбазаривание корма, а другой – за срыв телевизионной съемки у них в заповеднике.

– Но это было давно, Нил, видно, после этого выводы сделал, да и я стал чаще пряником пользоваться, чем кнутом... Жизнь убедила... А так, в общем, Осетров – работник толковый, грамотный, непьющий. Правда, любит пререкаться. Горячий... – подытожил Гай.

– А как человек? – спросила Дагурова.

Гай медлил.

– Откровенно? Не хотелось бы высказывать свое мнение.

– Почему?

– Возможно, я буду не очень объективен...

– Есть основания?

– Имеются, – кивнул директор.

– Связано с вашей дочерью?

Гай щелкнул выключателем. Настольная лампа погасла.

– Извините, ничего? – спросил он у следователя. – Двойной свет... Что-то на глаза действует. Может, оттого, что не спал...

– Да, уже светло, – согласилась Дагурова и внимательно посмотрела на Гая.

– Связано, – наконец ответил директор. – Но никакого отношения не имеет к сегодняшнему... То есть к вчерашнему событию.

– А я слышала, Авдонин и Осетров не смогли разойтись на узкой дорожке из-за вашей дочери.

– Как это – на узкой дорожке? – повысил голос Гай.

– Ревность...

– Интересно, – усмехнулся Федор Лукич. – Кто успел...

От кого вы могли услышать такое? Лезть в личные дела...

– Простите, Федор Лукич, может быть, вам это не очень приятно, но, увы, следователь иной раз вынужден касаться личной жизни людей. В интересах дела... Скажите, какие от-

ношения были между Мариной, Осетровым и Авдониным?

– Я считаю, что есть область, куда не имеют права вторгаться даже родители, – ответил Гай, глядя прямо в глаза следователю.

– Она с вами не делилась?

– Нет. Но если бы это было и так... Я бы выслушал, но не дал никакого совета... Что, парадоксально?

– Но совет отца! – возразила Ольга Арчиловна. – Добрый, чуткий...

– Поверьте, дорогая! – воскликнул Гай и, спохватившись, стал извиняться: – Ради бога, извините, Ольга Арчиловна... Вы же для меня по возрасту... Так вот, мое правило: в личную жизнь дочери не вмешиваться...

Он замолчал, словно давал понять: на эту тему распространяться больше не намерен.

«Ну что ж, – подумала Дагурова, – наверное, у него есть основания так говорить. Или пытается что-то скрыть?»

Она решила пока не слишком нажимать. Человек не камень. А пережить Гаю за какие-то последние десять часов пришлось немало.

– Я хочу поговорить с вашей дочерью, – сказала следователь.

– Пожалейте ее, – умоляюще сложил руки Гай. – Представьте ее состояние... Совсем ведь ребенок...

– Федор Лукич, поймите и вы меня. Дыма без огня не бывает. И мое любопытство не праздное...

– Ну хотя бы не сегодня. Пусть придет в себя. Я готов давать вам любые показания... Не мальчик ведь, вижу, это не просто разговор, это допрос...

– Да, и мы оформим его протоколом. А насчет вашей дочери... Хорошо, постараюсь ее сегодня не беспокоить. Если в этом не будет крайней необходимости... Но вернемся к Авдониному и Осетрову.

Федор Лукич посмотрел на Дагурову с благодарностью.

– Ревность... Ревность, – повторил он. – А ведь знаете, ни тот ни другой внешне это не проявляли. Во всяком случае, при мне.

– А любовь?

Гай виновато улыбнулся.

– Нил дружил с Мариной с детства. Возможно, это чувство переросло в любовь. У них какие-то свои темы для разговоров, точки соприкосновения. Какой девочке не нравится покровительство юноши? Но последнее время я их вместе почти не видел.

– А раньше?

– Раньше? Раньше он мог проделать двадцать километров на лыжах, в пургу, чтобы повидать ее в Шамаюне. А вывод делайте сами.

– Понятно. Теперь об Авдонине.

– Тут ответить будет посложнее. Эдгар Евгеньевич почти вдвое старше Марины...

– Что же, разве не бывает?

– Разумеется, бывает. Сколько хотите. И в жизни, и в литературе. Только я хочу сказать, что мужчина в таком возрасте проявляет свои чувства более сдержанно.

– А по-моему, наоборот, – возразила следователь.

– Да? – удивился Гай.

– Возраст раскрепощает. Это в молодости мы стеснительные...

– Эдгар Евгеньевич оказывал Марине знаки внимания, – сказал Гай.

– В чем это выражалось?

– Привозил из Москвы различные безделушки...

– Они переписывались?

– Не знаю. Дочь ведь здесь со мной бывала только во время каникул. А выспрашивать у воспитателей в интернате... Нет, это недостойно.

– Когда они познакомились?

– Три года назад. Я почувствовал – что-то в ней заинтересовало Эдгара Евгеньевича. Но тогда она была и вовсе ребенок... Потом в каждый приезд вечерами у нас пропадал. Уже темно, поневоле начинаешь беспокоиться, как он доберется до академгородка, мало ли – волки, медведь-шатун... А он ей все о Москве, о знакомых артистах. О Париже... За полночь засиживался. – Гай вздохнул.

– Значит, она ему нравилась?

– Если бы не нравилась, не вел бы себя так. Как вы думаете?

Гай вдруг прислушался. И Дагурова различила звук автомобиля. Как только улетел вертолет, ей все время казалось, что они теперь оторваны от привычного механизированного мира и в него можно добраться лишь звериными тропами. Напротив окна резко притормозил автофургон «москвич» с надписью: «Почта». Из кабины выскочил молоденький шофер и направился прямехонько к дверям дирекции.

Гай недоуменно посмотрел на часы, на следователя. Такая ранняя весть тревожила...

– Можно? – заглянул в дверь водитель.

– Да, Гриша. Что это спозаранку? – поднялся ему навстречу Гай.

– Здравствуйте. – Шофер зачем-то снял кепку и вручил директору заповедника вчетверо сложенную бумажку. – Распишитесь, Федор Лукич. И минуты поставьте точно. Мчал на всех парах...

Гай расписался. И, когда шофер удалился, распечатал телеграмму, пробежал ее глазами и протянул следователю.

Телеграмма была правительственная. «Срочно сообщите подробности гибели Авдонины тчк обеспечьте доставку тела Москву за счет министерства тчк замминистра Пятаков».

– А что сообщать? Что? – Федор Лукич растерянно вертел в руках телеграмму.

За окном проурчал мотор, «москвич» лихо развернулся, снова нарушив тишину утра.

– Надо ехать в район. Отсюда сразу не дозвониться до

Москвы. Такая морока... Попрошу помочь в райкоме.

Дагурова глянула на часы.

– В столице уже обедают, – сказал Гай, перехватив ее взгляд.

«Ну да, расстояние... – вспомнила следователь разницу во времени. – У нас раннее утро, а там далеко за полдень».

– Мне хотелось бы оформить нашу беседу, – сказала она.

– Я же не навсегда уезжаю...

– Хорошо, Федор Лукич, – поднялась Ольга Арчиловна. – Когда вернетесь, оформим протокол.

– Работайте спокойно. Я сейчас дам команду, чтобы постель, еду – все-все обеспечили... А можно и так: я поставлю подпись, а протокол вы запишите сами.

– Нет, порядок есть порядок.

...С чего начать допрос Осетрова, Ольга Арчиловна пока себе не представляла. Еще со студенческих лет она помнила, что поведение преступников делится на три категории. Первая – преступник говорит правду. Это проще всего и бывает в случаях неумышленного преступления, искреннего раскаяния или оттого, что он застигнут врасплох. Вторая – преступление умышленное, тщательно подготовленное. Тогда заранее разрабатывают версию о своей непричастности, алиби и так далее. Этот случай самый серьезный. Третья – когда преступник не допускает даже и мысли о разоблачении. Но, почуяв, что у следователя есть улики, врет напропалую, что и помогает припереть его к стенке...

Так или иначе, первый допрос очень важен. И для следователя и для преступника. У Дагуровой были в руках кое-какие козыри. Но как поведет себя Осетров? Шагая к дому участкового инспектора, Ольга Арчиловна вдруг явственно ощутила на себе чей-то взгляд. Остановилась. Оглянулась. Никого.

«Что за чушь? Неужели нервы?» – подумала она и зашагала дальше.

Однако тревожное состояние осталось. Усилием воли она заставила себя не смотреть по сторонам – нечего поддаваться слабостям. И все же какая-то сила подтолкнула повернуть голову и глянуть в окно небольшой избенки. Пожалуй, самой неказистой в поселке. И сначала увидела глаза. Неестественно раскрытые, жгуче-черные, на неподвижном, как маска, лице вписались в рамку окна, наискось перекрытого занавеской.

Это была женщина.

Занавеска быстро опустилась, лицо исчезло.

«И что я так испугалась? – удивилась Ольга Арчиловна. – Просто человек. Просто женщина. Местная... Нет, наверное, моя психика получила слишком большую нагрузку... И неудивительно... Ну и ночка была!..»

Глава 4

К дому Резвых Дагурова подошла в довольно скверном расположении духа. У калитки сидел пес. Роскошная немецкая овчарка. Собака проводила Ольгу Арчиловну тяжелым, грустным взглядом.

Следователь прошла во двор и легонько постучала в дверь той половины дома, что была оштукатурена снаружи. За ней послышались тяжелые шаги. Отворил капитан. При форме, с колодкой орденских ленточек на груди и значком «Отличник милиции».

– Да проходите, проходите... И зачем стучать? Ведь не в гости идете.

Она хотела сказать, что дом есть дом, но увидела, что это служебное помещение. На окнах – решетки (вот почему Дагурова инстинктивно прошла именно на эту половину), письменный стол, плакаты на стенах. На деревянной скамье со спинкой, обычной для отделений милиции, притулился в уголке спящий человек с русой копной волос. Спал он, положив под голову обе руки, как ребенок. На обнаженной шее под ухом темнело несколько родинок.

– Нил, вставай... Вставай, паря! – бесцеремонно потрянул его за плечо капитан.

Осетров повернул голову, разлепил глаза, повел вокруг удивленным взглядом, все еще находясь где-то там, в своих

сновидениях.

– Давай, давай, – подстегивал его словами Арсений Николаевич.

– Что? Зачем? Куда ехать? – встрепенулся Нил, поправляя сбившуюся одежду. Он тяжело расставался со сном.

– Ехать еще успеешь, – сердито проворчал Резвых, хотя повода к этому вроде и не было. Наверное, так, для порядка. – Да пригладь вихры... Следователь пришел.

Голубые глаза парня сразу потухли. Он медленно пригладил пятерней непокорные волосы, жесткие и чуть выющиеся.

– Уф, – выдохнул он. И зачем-то застегнул доверху «молнию» на куртке. Она была легкая, из блестящего синтетического материала.

– Следователь прокуратуры Ольга Арчиловна Дагурова, – показала она свое удостоверение.

Осетров привстал.

– Нил... Нил Мокеевич Осетров, – машинально произнес он.

– А тебя, паря, пока не спрашивают, – назидательно произнес участковый инспектор. – Когда надо, тогда и отрапортуешься... Уж такой порядок... Привыкай.

– Извините, гражданин следователь, – смутился Осетров.

Резвых недовольно покачал головой, правильно, мол, твое дело лучше помалкивать. И обратился к Дагуровой:

– Здесь будете допрашивать или?.. – А что такое «или», он и сам вряд ли знал.

– Если вы не возражаете...

– Располагайтесь, – показал на место за столом участковый.

Но тут отворилась дверь, и в комнату вошла женщина. Высокая, широкая в кости, с продолговатым загорелым лицом и темными гладкими волосами, стянутыми на затылке узлом. Она была в длинном байковом платье в мелкий цветочек.

– Здравствуйте, – приветливо поздоровалась она и протянула следователю руку лопаточкой. – Олимпиада Егоровна. Жена, – кивнула она на капитана.

Следователь пожала ее крепкую ладонь, назвала себя.

– А я поесть спроворила, – сказала она скорее мужу. – Намаялись за ночь-то... Подкрепитесь, а уж потом...

Резвых растерялся. Посмотрел на следователя. Осетров безучастно глядел в окно.

– Арсений, приглашай гостью, – нетерпеливо произнесла Олимпиада Егоровна. – Могу и сюда подать...

– А что, заправиться и впрямь не мешает, – сказал капитан.

– Точно. Всем не мешает, – сказала Дагурова намеренно громко. – Мы вот так и сделаем: мужчины пусть здесь, а мы с вами посидим.

– Тоже верно, – с облегчением сказал Резвых. Сам он, видимо, тоже решал эту трудную задачу: как все сделать без ущерба уставу и субординации, но в то же время по-челове-

чески.

– Спасибо, – обернулся ко всем Нил. – Я не хочу есть.

– А тебя никто не спрашивает, – благодушно усмехнулся

Арсений Николаевич.

Дагурова вышла вслед за хозяйкой. Они прошли двором на другую половину.

– Мы в горнице посидим. Проходите. Вот только снесу мужикам...

– Я помогу, – предложила Ольга Арчиловна.

– Добро, – просто кивнула Олимпиада Егоровна.

Она положила в эмалированную миску жареной рыбы, свежих огурцов и хлеба. Дагуровой были вручены тарелки и вилки.

Когда обе женщины вошли на «службу» – так назвала вторую половину дома жена участкового, – Осетров сидел в своем углу на скамье и все так же смотрел в окно.

– Ты, паря, нос не вороти, – услышала сзади себя Дагурова, когда они уходили. – Там тебе такое не подадут... А день предстоит ой тяжелый...

Что ответил Осетров, Ольга Арчиловна не услышала.

– Жалко парня, – вздохнула Олимпиада Егоровна. – Как матери сообщить? Она-то, сердешная, при чем?

– Что, еще не знает?

– На БАМе... Поварихой заделалась, – покачала головой жена участкового.

Они прошли в горницу. Посреди комнаты был накрыт

стол. Тарелки, блюдо, чашки – все было сервизное, но недорогое. Хозяйка сняла с блюда перевернутую тарелку. От жареной рыбы повалил аппетитный запах.

– Берите, какая на вас смотрит, – сказала Олимпиада Егоровна. И, видя нерешительность гостыи, положила ей на тарелку самую крупную рыбину.

– Что вы, мне этого не съесть...

– Еще попросите, – улыбнулась хозяйка. Она положила ей разрезанный вдоль огурец, сочившийся прозрачными каплями, несколько ложек маринованных грибов.

Ольга Арчиловна развалила вилкой рыбу и... Она вспомнила мертвое тело, залитое кровью лицо убитого. Что-то сдавило горло, и Дагурова поняла, что не сможет проглотить ни кусочка. Видимо, она побледнела.

– Может, молочка? – засуетилась хозяйка. – Вчерашнее, правда. Аделька еще сегодня не приносила.

– Благодарю... Ничего не надо.

– Чего так? – спросила Олимпиада Егоровна.

– Не могу есть... Понимаете, в первый раз такое дело... – виновато произнесла Дагурова.

– Смотри-ка... А Арсений говорит: хоть и росточком не очень... – Олимпиада Егоровна спохватилась: – Ой, простите, Ольга Арчиловна, не обижайтесь.

– Что есть, то и есть, – улыбнулась следователь. Ей почему-то стало легко и просто сидеть и говорить с Олимпиадой Егоровной.

– А все мужики, говорит, у нее работают, любого может на место поставить...

«Интересно, – стала вспоминать Дагурова, – кого это я поставила на место? А, кажется, летчика. Ворчал, что ему надо поскорее возвращаться... Значит, рано еще на мне ставить крест...»

В стенку что-то стукнуло.

– Чаю требуют, – поднялась хозяйка. – Посидите, я мигом.

Она ушла, позвенела на кухне посудой, хлопнула входной дверью. А Ольга Арчиловна сидела одна за столом, с любопытством осматривая комнату.

На столике возле кресла лежали журналы «Здоровье» и «Техника – молодежи», стопка газет. На стене красовался большой портрет молодого капитана милиции. Дагурова подумала: Арсений Николаевич в молодости. Но тот, на фотографии, походил лицом скорее на Олимпиаду Егоровну. Впрочем, говорят, если супруги долго живут, становятся похожими...

– Николай, сын, – сказала хозяйка с порога. Зашла она бесшумно. И заметила, что гостя смотрит на портрет. – В Москве учился, в Академии МВД... Тридцать лет, а уже капитанские погоны... Мой-то их получил под пятьдесят... А ведь Сеня районным угрозыском командовал, – сказала она с гордостью. Видя, что Дагурову это заинтересовало, она продолжала: – А годика четыре назад попал в переделку. Участвовал в задержании. Он же у меня горячий, все сам да сам...

Даром, что ли, фамилия такая?.. Уже простилась с ним: продырявили, что твое решето... Пятнадцать месяцев как один день по больницам валялся. Вышел вот такой, – она показала палец. – Списать хотели... Кому такой нужен... Да и выслуга уже подошла. А Сеня не хочет в пенсионерах небо копить... Едва оклемался, поехал в область. Генерал его всегда привечал... И вот, добился сюда, участковым... Моему-то без милиции – никуда...

– Но как же он после такого ранения? – удивилась Ольга Арчиловна.

– Так у него лекарство – ого! – Олимпиада Егоровна показала рукой в окно. – Лучший доктор. Спаситель, это я вам говорю...

Дагурова глянула в окно и ничего не поняла. Ягодные кусты, деревья, сарайчик, наверное...

– Облепиха? – спросила она уверенно.

– Банька, – улыбнулась Олимпиада Егоровна. – Она родимая. Простая русская банька... Будет у нас сегодня время, я споровю. Венички у нас березовые, настоящие. Есть и наши, здешние, из кедра... А поллок Арсений чин по чину соорудил – липовый. У меня и травка насушена. Для духовности. Ромашка, шалфей, мята. И свой особый рецепт имею – из листьев лимонника...

– Сегодня вряд ли, – уклончиво ответила следователь. Ей не хотелось отказом обижать хозяйку. Но и обещать не могла, не знала, как сложится день.

– Ну что же, – не настаивала Олимпиада Егоровна. – Надумаете, дайте знать. В городе такой радости вы ни за какие деньги не получите.

В стенку снова стукнули.

– Ага, – поднялась хозяйка, – позавтракали.

Ольга Арчиловна встала.

– Красивая овчарка, – кивнула следователь на собаку, когда они вышли во двор. Та все еще сидела по ту сторону калитки и так же грустно и внимательно посмотрела на людей.

– Рекс – умный пес, – уважительно произнесла Олимпиада Егоровна.

– Чей?

– Нила Осетрова. Он на границе служил... Есть давала, не берет ни в какую. Пока сам хозяин не разрешил...

По дороге проехал уазик. За рулем сидел Гай. Где-то пропел запоздавший петух, промычала корова. Ворона лениво спланировала в чей-то огород...

Осетров сидел на своем месте, в уголке скамейки. Теперь он был умыт, влажные волосы тщательно причесаны. Резвых прохаживался по комнате. Олимпиада Егоровна собрала посуду, смахнула со стола и вышла.

– Если понадобится, стукните в стенку, – показал Арсений Николаевич на скалку, лежащую на подоконнике. И тоже удалился.

Дагурова осталась с лесником с глазу на глаз.

– Садитесь поближе, – сказала она Осетрову.

Тот пересел на стул, заранее приготовленный капитаном. Следователь записала на бланке протокола допроса его данные.

– Ну рассказывайте, Нил Мокеевич, – попросила она, отложив ручку.

– О чем? – Лесник не знал, куда девать руки: то сцепит пальцы, то положит на колени. Потом зачем-то сунул в карман куртки. Волновался...

– О себе.

– С рождения, что ли?

– Давайте со вчерашнего дня...

– С воскресенья?

– Да, – кивнула следователь. – Чем вы занимались с утра?

– Как и в обычные дни. Объезжал свой обход... Выходные дни как раз больше внимания требуют. Туристы. Да и браконьеры могут объявиться.

– Обход – это что?

– Мой участок.

– Большой?

– Тысяч пять гектаров будет.

– И рано приступили к своим обязанностям?

– Вчера немного припозднился. Пока из Заречного добрался...

– Откуда?

– Поселок тут недалеко. Километров тридцать... На свадьбе у друга был. Вместе служили в армии. Всю ночь гуля-

ли...

- А потом в дорогу? Рискованно, – заметила следователь.
- Какое у нас тут движение, – махнул рукой лесник.
- Аварии что, только в городе бывают?
- Я аккуратнo... Не превышал...

Все сказанное отразилось в протоколе в одной строке: «В ночь на 27 июля находился на свадьбе у приятеля...»

Дальше Осетров рассказал, что, приехав домой, оставил мотоцикл у себя дома на кордоне, пересел на лошадь и до обеда находился на своем обходе. В середине дня посетил Турунгайш. Передал Гаю карточки наблюдений, скопившиеся за неделю...

- А что это за карточки? – поинтересовалась следователь.
- Какие звери встречаются, птицы. Их следы. Наша основная работа. Где встретил, в каком количестве... Так учитываются обитатели заповедника...
- С кем встречались еще? – спросила Дагурова. – Я имею в виду – здесь, в Турунгайше?
- С Юрием Васильевичем.
- Кто он?
- Сократов... Научный сотрудник.
- Еще с кем? – продолжала следователь.
- С Чижиком... То есть с Мариной... Дочь Федора Лукича.
- О чем вы с ней беседовали?
- О разном... Завтра она в Москву уезжает...

«Завтра? Странно, – подумала Ольга Арчиловна. – Почему же Гай ничего об этом не сказал? Да-а, директор заповедника очень не хотел, чтобы я увиделась с его дочерью... Но почему?»

– Авдони́на встречали в тот день?

– Нет, – отрицательно покачал головой Осетров.

– А знали, что он приехал?

– Откуда?

– Может, Марина сказала? Или этот... Юрий Васильевич?

– Нет, мне никто ничего не говорил, – угрюмо повторил

лесник.

– А в котором часу вы были тут?

– Около двух...

«Уточнить у Гая, когда 27 июля появился в Турунгайше Осетров и когда приехал Авдонин», – записала в блокнот Дагурова и снова обратилась с вопросом к леснику:

– А дальше?

– Я поехал домой... Вздремнуть хотел немного. Ведь всю ночь не спал... Да не удалось.

– Почему?

– Шишкарей засек.

– Кого? – не поняла следователь.

– Ну людей, которые шишку бьют. Кедровую. Орехи промышляют... А у нас запрещено. На то и заповедник...

– Вы их остановили?

– А как же! Человек шесть прятки со мной затеяли... Но

одного я схватил... В руках байдон² – кувалда пуда в полтора... Чуть меня не задел. Провозился с ним больше часа... Все умолял отпустить, не составлять акт... Спустишь раз – повадно будет, – покачал возмущенно головой Осетров. – Ведь знают же, подлецы, что нельзя! Нет, лезут... Главное – орехи только-только созревать начали. Представляете, с какой силой надо бить по стволу этим самым байдоном, чтобы несколько шишек упало? Так и уродуют кедр! – горячился лесник. – А им все до фонаря...

– Ну вы составили акт. А потом?

– Какой уж там сон. Разозлился я... Думаете, приятно задерживать? Честное слово, за людей стыдно! – Осетров провел ладонью по лицу. – А с другой стороны – как тайгу уберечь? Зверье и прочее? Вот и приходится... – Лесник вздохнул, помолчал. Затем продолжил: – Потом с Мариной встретились...

– Где?

– У Монаха, – показал он рукой в окно. – Километра два отсюда... Камень такой большой, на человека в хламиде похож. Черный весь...

– Заранее условились?

– Да, – кивнул Осетров.

– В котором часу?

– В шесть... Ну, поговорили. Я пошел ее провожать... –

² Байдон – дубина, которой ударяют кедровые деревья, чтобы стрясти шишки (местн.).

Об этом Осетров выпалил скороговоркой. Было видно, не хотел выдавать подробности. Ольга Арчиловна решила пока на их встрече не заострять внимания.

– Мы уже почти расстались. Дальше Чижик одна хотела идти... До Турунгайша недалеко... Вдруг вижу, Рекс забеспокоился...

– Собака была с вами?

– Рекс всегда со мной... А если он что-то учуял – неспроста. Да и мне показалось: кто-то крадется по тайге... Я сказал, чтобы Чижик шла домой, а я посмотрю, что за шум. Рексу я приказал, чтобы сопровождал Марину.

Осетров замолчал. Следователь не торопила: воспоминания не из легких.

– Значит, двинулся я на шорох. Сначала думал – медведь. Прислушиваюсь, не похоже. Скорее человек. На границе ведь как? Лежишь в дозоре и по звукам должен определить, кто идет: кабарга или кабан, сохатый или человек. Зря тревогу поднимешь, ребята засмеют... Двинулся я, значит, бесшумно за ним. Смотрю: человек. В капюшоне. На одном плече не то мешок, не то рюкзак, на другом – ружье... И оглядывается, словно прячется от кого-то. Подозрительно... Я дважды крикнул: «Стой!» А он как припустил – только сучья трещат. Я опять: «Стой, стрелять буду!» Он еще быстрее. Ну я выстрелил вверх. Тогда он останавливается, поворачивается – и в меня. Наверное, у него осечка вышла: я только щелчок услышал. Правда, в тот самый момент что-то над са-

мым ухом просвистело. Как пуля... Я даже присел. Тогда он из другого ствола – шарах! Я тоже выстрелил...

Осетров замолчал, сглотнул слюну.

– Значит, Авдонин стрелял дважды? – уточнила следователь. – Один раз была осечка, а во второй раз – выстрел?

– Так и было, – кивнул лесник.

– Вы сразу подошли к нему?

– Какой там... Ноги к земле приросли, двинуться не мог...

Зверя приходилось, а тут... Хотел Чижику крикнуть – горло перехватило. – Осетров вытер со лба испарину. – Как перешибил себя, не знаю... Лежит на боку. Я попятился... Дальше как в тумане... Не то я побежал, не то Марина с Рексом вернулись...

– А может, он был только ранен? – осторожно спросила Дагурова.

– Да что вы... Столько кровищи... – Лесник судорожно вздохнул. – Ну, Чижик к отцу побежала, а я к участковому...

– Погодите, Нил, – остановила его следователь. – Когда вы приблизились к лежащему Авдонину, ружье и мешок где находились?

– Не помню... Честное слово, не до того было...

Ольга Арчиловна настойчиво спросила:

– Так все-таки они были?

– А из чего же он стрелял? – хмуро спросил лесник. – Из палки?

Ольга Арчиловна снова и снова возвращалась к тому, как

Осетров увидел пробирающегося по лесу человека, как произошла перестрелка. Лесник твердо стоял на своих показаниях.

Следователь сопоставила время. Выходило, что капитан Резвых прибыл на место происшествия не позже чем через тридцать минут. И возле трупа ничего не обнаружил. Участковый не покидал своего поста до прилета следователя. Ни мешка, о котором толкует Осетров, ни ружья Авдонины он так и не видел...

– Вы мне не верите? – спросил Осетров у следователя напрямую.

– Понимаете, Нил, – ответила она, – факты против вас... Нет ружья. Нет мешка. И вот что странно: зачем Авдониному было стрелять в вас?

– Может, принял меня за бандита?.. – неуверенно сказал Осетров.

– Вы были знакомы с Авдониным?

– Мы ни разу не говорили.

– Но виделись?

– Издали... Признаться, даже хорошо его в лицо не разглядел. А когда в распадке заметил человека с мешком, честное слово, и в голову не пришло, что это Авдонин.

Последнее заявление насторожило следователя: лесник упорно хочет убедить ее, что не узнал Эдгара Евгеньевича. Не слишком ли? И Авдонин, выходит, перепугался ни с того ни с сего...

Как ни крути, история выглядела весьма запутанно. Если Осетров намеренно не запутывал ее сам.

– Нил, – задала еще один вопрос Дагурова, – распадок, то есть место, где был убит Авдонин, относится к вашему обходу?

– Нет. А что?

– Выходит, вы стреляли в человека, который показался вам подозрительным, на чужом обходе? – уточнила Ольга Арчиловна.

– Вы хотите сказать, что я только у себя, на своей территории лесник? – хмуро произнес Осетров. – А перешел на метр границу своего обхода – уже посторонний, так? – Он усмехнулся. – Хорош был бы, допустим, милиционер, который сдал дежурство в восемь часов и уже через пару минут не считал бы себя блюстителем порядка. Значит, хоть убивай на его глазах? – Осетров тряхнул головой. – Нет, всегда и везде я прежде всего лесник! Защитник природы! И не только на моем шестом обходе, а во всем заповеднике. Да что в заповеднике? Где бы ни встретил браконьера, пусть за тысячу километров отсюда, я должен, обязан его задержать!..

Затем Дагурова попыталась заговорить о Марине Гай, об их отношениях. Но почувствовала, что Нил об этом говорит неохотно. Своей дружбы с дочерью директора заповедника не отрицал, но подробностей сообщать не желал.

Когда нет доверия – контакта не получается. Ольга Арчиловна решила на этом закончить первый допрос. И выйти

с Осетровым на место происшествия. Фотографировать она попросила Веселых. Понятыми на этот раз были Олимпиада Егоровна и тот самый Сократов – научный сотрудник заповедника, о котором упоминал лесник.

Глава 5

Юрию Васильевичу Сократову было лет сорок. Сначала он наотрез отказался, но, узнав, что трупа уже нет (машина из морга увезла его в Шамаюн, районный центр, где Кабашкин должен был произвести вскрытие), все-таки согласился. Он производил впечатление стеснительного, малоразговорчивого человека. Высокий, худой, он боязливо поглядывал на то место, где недавно еще лежал убитый (оно было обложено сучьями по контуру тела Авдонина). Юрий Васильевич не произнес за все время, пока следователь выясняла подробности у Осетрова, и двух слов.

Ольга Арчиловна скрупулезно уточняла, где Нил расстался с Мариной, где увидел идущего Авдонина, откуда якобы стрелял в него. Расстояние между ними в этот момент равнялось метрам тридцати...

Потом была осмотрена комната в академгородке, где остановился Авдонин. Дом из пяти просторных комнат стоял на возвышении. Вид из окон открывался живописный: с одной стороны сопка, над которой кучерявились в светлом летнем небе легкие облака, а у подножия теснились заросли деревьев; с другой – величественно уходил по распадку строй могучих кедров с темными кронами.

В каждой комнате стояло по две-три кровати, стол, стулья и шкаф для одежды.

В комнате Авдони́на кровать была не тронута. В шкафу висел новый финский костюм светло-серой шерсти. Тут же на вешалке – пара тонких хлопчатобумажных рубашек в крупную красную и синюю полоску. Югославские. На этой же вешалке болтался яркий цветастый галстук. Гонконгский. А туфли остроносые, с медной полоской на носке и с высоким каблуком. Австрийские.

В большом мягком чемодане из темно-коричневой кожи лежал только магнитофон, еще в фабричной упаковке. Вещь редкая и дорогая: «Сони» с двумя выносными колонками. Кроме этой техники – ничего.

Даже если предположить, что Авдонин сложил бы в чемодан всю одежду, которая была на нем, когда он вышел из дому, а также то, что висело в шкафу, чемодан наполнился бы едва на четверть.

В тумбочке рядом с кроватью лежала электробритва «ремингтон».

В карманах костюма обнаружили авторучку (самая дешевая, за 35 копеек), смятый автобусный билет (московский), денежную мелочь и пластинку мятной жевательной резинки.

Ни денег, ни документов, ни записной книжки в комнате не было. При убитом их тоже не оказалось.

Авдонин прилетел в командировку. Значит, у него должны были быть авиабилеты и командировочное удостоверение. Но и их не нашли. И еще Гай упоминал о том, что у Авдони́на какой-то очень хороший карабин. Где же он?

Все это ставило перед следствием новые и новые вопросы. И не давало никаких ответов.

Капитан Резвых присутствовал при осмотре авдонинской комнаты. Он посоветовал Дагуровой хотя бы немного отдохнуть: как-никак, ночь без сна. Да еще без завтрака.

Ольга Арчиловна чувствовала усталость. Острота ощущений и мыслей притупилась. Но отдых, как она считала, был сейчас непозволительной роскошью. Посидеть, прикинуть, как двигаться в расследовании дальше, – вот что она могла себе позволить. И только...

Участковый инспектор ушел, а Ольга Арчиловна зашла в отведенную для нее комнату, уселась у стола напротив окна, выходявшего в сторону распадка, и вынула свои записи. Набросала план самых ближайших следственно-оперативных мероприятий.

В дверь постучали. Зашел Веселых.

– Ольга Арчиловна, есть будете? Обед принесли.

– Откуда? – удивилась Дагурова.

– Не то повариха, не то уборщица приходила. Жаркое принесла. Разогреваю...

– Спасибо, Артем Корнеевич. Что-то не хочется.

Она вспомнила завтрак у Резвых.

Эксперт-криминалист нерешительно потоптался у порога.

– Проходите, садитесь, – предложила Дагурова. – Там у вас не подгорит?

– Нет, газ еле-еле... – Он сел, смахнул с коленей несуществующие пылинки. – Ну, как у вас продвигается?

– Туго, – призналась Ольга Арчиловна. – Непонятная петрушка с этим мешком и ружьем... А у вас что? Предварительно, конечно...

Веселых провел несколько раз по усам.

– У меня вроде идет все путем, без противоречий. Как вы помните, судя по характеру раны, Авдонин убит из нарезного оружия. Одним словом, пулей. Из винтовки или охотничьего карабина. Так? – Веселых посмотрел на следователя.

– Допустим, – согласилась Дагурова. – Дальше?

– У Осетрова изъят карабин марки ТОЗ-17³. Калибр 5,6 миллиметра. Пятизарядный... Обычный у здешних лесников. Я осмотрел карабин Осетрова. Из него сделано два выстрела.

– Откуда это известно? – решила уточнить следователь.

– Как откуда? – удивился криминалист. – В магазине карабина помещается всего пять патронов. Сейчас в магазине ружья Осетрова осталось три патрона. И в патроннике стреляная гильза. А пятую, тоже стреляную, как вы помните, мы нашли на том месте, откуда Осетров стрелял в Авдонина.

Веселых замолчал.

– Но ведь самих пуль мы не нашли, – развела руками Дагурова.

– Вы имеете в виду и ту, которой убит Авдонин, и ту,

³ ТОЗ – Тульский оружейный завод.

первую, что полетела бог знает куда после предупредительного выстрела вверх?

– Точно. И ту, и другую, и третью тоже.

– Третью? Вы что имеете в виду? – спросил криминалист.

– Стрелял ведь не только Осетров два раза, но и Авдонин, если верить леснику. И все эти пули нам нужны. Да еще как нужны, – вздохнула Дагурова, осознавая, что найти первую пулю – задача еще более нереальная, чем искать, как говорят в народе, иголку в стоге сена... А тут не стог, а тайга... Что же касается пули, которой убит Авдонин, – другое дело. Здесь и направление известно, улететь она далеко не могла... Да и та, из ружья Авдонина, что предназначалась Осетрову, тоже могла врезаться в ствол... Об этом она и сказала криминалисту, давая понять, что они должны продолжать поиск.

– Для этого надо знаете как прочесать местность? А я один... – Веселых пожал плечами. – Да и нужно ли при таких обстоятельствах?

Не желая дальше дискутировать на эту тему, Дагурова спросила Веселых:

– Скажите, а какие пули в патронах осетровского карабина?

– Экспансивные, – ответил криминалист. – Кстати, знаете, как устроена эта пуля?

– Нет.

– Сердечник свинцовый, оболочка – сталь, покрытая медно-цинковым сплавом... Чуть розоватый цвет... При попа-

дании в преграду пуля разворачивается. Свинец проникает в преграду, а оболочка разлетается... Следовательно, в волосах и на коже убитого должны быть обнаружены частички оболочки... Уверен, что наша медицина подтвердит...

Ольга Арчиловна попыталась вернуться к своим размышлениям. Но что-то не думалось. Устала...

«Наверное, капитан был прав, – решила Дагурова. – Мне просто необходимо отдохнуть. – Она усмехнулась. – Вот если бы можно было, как Штирлиц, дать себе слово спать всего двадцать минут».

Ольга Арчиловна прилегла на кровать, намеренно не раздеваясь, чтобы не заснуть. Но уснула. А когда проснулась, на нее смотрела та же женщина, чей взгляд в окне так испугал ее утром в Турунгайше.

Она была чуть выше среднего роста, в свободно свисающем красном платье, в мягких не то тапочках, не то домашних туфлях. На голове затянутая узлом на затылке белая косынка, которая резко подчеркивала смуглоту ее круглого, как луна, лица с необыкновенно раскосыми глазами. Еще более темная рука с тонкими красивыми пальцами протягивала следователю квадратик бумажки.

Это была записка от директора заповедника. «Уважаемая Ольга Арчиловна! Я уже вернулся. Вы можете в любое время видеть меня в конторе или дома. С уважением, *Гай*».

Женщина спокойно и выжидающе смотрела на Дагурову. – Хорошо, – сказала Ольга Арчиловна. И та, ни слова не

говоря, вышла.

Ольга Арчиловна посмотрела на часы: она спала всего пятнадцать минут. Меньше, чем Штирлиц...

Надо было заниматься делами. И Ольга Арчиловна, прихватив портфель пока с немногочисленными бумагами, решила направиться в Турунгайш.

Дорога весело бежала вниз, обрамленная ильмами, перевитыми лианами актинидий. Ольга Арчиловна почувствовала прилив сил. Словно проспала несколько часов кряду. Мысли работали четко и ясно: есть один непреложный факт – отсутствие ружья приезжего ученого. Если Эдгар Евгеньевич шел по распадку без оружия, то стрелять в лесника он, естественно, не мог. Тогда Осетров или выдумал, или...

Ольга Арчиловна остановилась от неожиданной догадки. – Э-е-ей! – крикнула она во весь голос.

Уж больно ей хотелось проверить то, что пришло в голову. «Э-ей! Э-ей! Ей! Ей!» – полетело по лесу. И отзвук голоса еще долго плутал по распадку.

Переждав, пока успокоится в распадке эхо, Дагурова зашагала дальше. «Черт возьми, неужели виновато эхо?» – в каком-то возбуждении думала она. Неожиданно она вышла на поляну. Недалеко впереди опять зашумела речка. Ольга Арчиловна уже знала, что называется она Апрельковая.

А вот и место, где убит Авдонин. Дагурова захотела испробовать, как звучит эхо тут. Открыла было рот и вдруг увидела женскую фигурку в черном.

Это была девушка. Высокая, стройная, как стебелек. Длинное черное платье почти до земли подчеркивало ее хрупкость и изящество. А то, что следователь приняла за платок, оказалось длинными прямыми черными волосами, спускающимися ниже плеч. Девушка стояла, прижавшись к стволу молоденькой липы. И смотрела туда, где лежали сучья, составляющие контур убитого.

Следователю показалось, что девушка плачет. Она остановилась: всегда неловко вторгаться в человеческое горе. Но, прислушавшись, Ольга Арчиловна различила отдельные слова. Вернее, стихи. Грустные, трагические, звучащие как молитва.

Под ногой следователя хрустнула сухая ветка. Девушка посмотрела в ее сторону. Их глаза встретились.

– Вы... вы Марина? – сказала Ольга Арчиловна. Она почему-то была уверена, что перед ней дочь Гая.

– Марина, – кивнула девушка, не то протягивая, не то просто поднимая руку в неожиданном и каком-то царственном жесте.

Дагурова невольно сделала несколько шагов и пожала протянутую руку.

– Ольга Арчиловна... Следователь...

Чижик... Боже мой, кто мог придумать ей такое прозвище? Перед Дагуровой стояла молодая гордая испанка, величественная в своем траурном наряде. Непрístupная юная донна!

– Скажите, зачем ружья? Зачем смерть, кровь? – печально произнесла девушка.

Ольга Арчиловна растерялась. Что она могла сказать этой девочке? Что жизнь состоит из смертей и рождений? Во всяком случае, вот здесь, среди обыкновенных деревьев и простого, по-детски непосредственного горя.

«Да, прав был Федор Лукич, – подумала Ольга Арчиловна. – Марина потрясена случившимся. И кажется, очень впечатлительна... Какой уж допрос в таком состоянии...»

Дагуровой почему-то захотелось непременно увести девушку домой. Подальше от этого места.

– Мариночка, – осторожно сказала она, так и не ответив на заданный вопрос, – проводите меня в Турунгайш... Пожалуйста.

– Хорошо, – покорно сказала девушка.

Они шли молча. Хоть это и тяготило Дагурову, но молчание казалось более естественным и человечным, нежели любые утешения. Дочь Гая шла по тайге легко, грациозно. Словно газель, рожденная среди природы.

– Вы москвичка? – спросила вдруг Марина.

– Нет, родилась в Ленинграде. – Ольга Арчиловна была рада, что можно поговорить на отвлекающую тему.

– В Ленинграде красиво... Но я больше люблю Москву, – призналась девушка и виновато посмотрела на свою спутницу. – А он потомственный москвич, – сказала Марина, делая акцент на слове «он». Имея, конечно, в виду Авдонина.

– Эдгар Евгеньевич был хороший человек? – не удержалась Дагурова.

Марина восприняла вопрос совершенно спокойно.

– Я не задумывалась... С ним очень и очень интересно. – Она посмотрела на верхушки деревьев и произнесла, как будто размышляя вслух: – Если хочется видеться с человеком, если мысли его волнуют... Тогда хороший, наверное. Для тебя. И для других... – Она замолчала.

«Для других... Не Осетрова ли она имеет в виду?» – подумала следователь. Ее так и подмывало спросить, как Марина относится к Нилу. Однако не стала. Раз обещала отцу, надо держаться. Но Чижик, словно разгадав ее мысли, сказала:

– Нил тоже интересный. По-своему... И странный. Как все мальчишки... Для них красота – это обязательно иметь. Чтобы мое... Но разве красота – она чья-нибудь? Ведь дружба тоже...

Марина замолчала. Но то, что она сказала об Осетрове, как раз и было важно следователю: все-таки соперничество существовало!

– А вчера – трагическая случайность. Никогда не поверю, чтобы Нил сделал это специально, – вдруг заговорила девушка страстно. – Да, Нил жестокий. Но... – Марина покачала головой. – Нет. Нет. Нет, я не так выразилась... Просто, он такой...

– Какой?

– Всегда хочет что-то сделать доброе... А получается... –

Она тяжело вздохнула. – Вот и с мотоциклом так же... – Марина остановилась. – Понимаете, он ослеп. Было яркое солнце. Лед сверкал как сумасшедший... Нил потом два дня ничего не видел... И я тоже.

– Погодите, вы о чем? – спросила Ольга Арчиловна.

– Об аварии... Знаете, как болят глаза, когда ослепнешь зимой от солнца! Словно их сильно натерли луком... Честное слово, иначе ничего бы не случилось.

– Значит, вы тоже... – начала было Дагурова.

– Ну да! Он повез меня покататься на озеро. Я была тогда маленькая. И врач сказал – хорошо, что маленькая, у детей все срастается быстрее. И нога тоже...

– Сильно разбились?

– Было очень больно...

«Вот почему ее отец не любит Осетрова, – поняла следователь. – Но надо отдать должное Федору Лукичу. Честно признался».

– Я только через год узнала, что Нила за это судили...

Они подошли к центральной усадьбе.

– Когда вы уезжаете? – спросила Ольга Арчиловна.

– Завтра вечером... Господи, неужели ему опять предстоит суд? – воскликнула девушка. – И тюрьма?! – Она посмотрела на следователя. – Скажите, Нилу много дадут?

– Не знаю, девочка, – мягко ответила Ольга Арчиловна. – Это решает не следователь.

– Да, да... Я учила в школе. Это решает суд...

– Марина, я хотела бы с вами побеседовать подробнее...

Что, если завтра с утра?

– Хорошо, – кивнула Марина. – Куда мне прийти?

– Если можно, я сама приду к вам. Домой.

– Милости прошу, – чуть наклонила голову девушка. – До свидания.

– Всего хорошего...

Чижик уже отошла от нее. Ольга Арчиловна не удержалась:

– Марина...

Та грациозно повернулась.

– Вы не помните, сколько было выстрелов? Вчера?..

– О, много. Шесть или семь... А может быть, восемь.

«Все-таки я, видимо, права, – удовлетворенно подумала Дагурова. – Виновато эхо... Вот все и называют разное число...»

Глава 6

Гай встретил ее озабоченный.

– Из Москвы звонили. Из института, где работал Эдгар Евгеньевич... Конечно, такой ученый!.. Да еще не представляете, сколько дел, – сказал он, показывая на кипу бумаг на своем столе. – Кручусь за себя, за главного лесничего...

– Он в отпуске?

– Просто нету... То пьяница попадетсЯ, то склочник. То пришлют такого, который в делах ни бельмеса. За три года четыре человека сменилось. Больше месяца не держатся. – Он провел рукой по лицу, словно старался стереть заботы. – Ну да ладно, что я все о своем. – Федор Лукич открыл сейф и вынул из него бумажный сверток. – Это, наверное, вам?

Следователь развернула его.

В свертке был паспорт Авдони́на (заграничный), командировочное удостоверение, деньги. Ольга Арчиловна посмотрела на директора заповедника, ожидая объяснений.

– Эдгар Евгеньевич просил взять ему в районе авиабилет. До Москвы... Командировку отметить... Да, прибыл человек, а убывает... – Гай замолчал.

«Ну вот, с документами выяснено», – думала про себя Дагурова, оформляя протокол об изъятии паспорта, командировочного удостоверения и денег (двести рублей – четыре купюры по пятьдесят).

– Как устроились? – поинтересовался Гай.

– Спасибо. Очень уютный домик... Познакомилась с вашей дочерью...

– Да? – настороженно посмотрел на нее Гай.

– Случайно. В лесу.

– Прощается... Она у меня любит природу.

– Значит, по вашим стопам пойдет?

– Нет, по материнской линии.

– Куда, если не секрет?

– Будет пытаться в Институт кинематографии. На актерский.

– Говорят, туда трудно, – сказала Дагурова.

– Знаю. Но она выбрала сама. – Он развел руками.

– Может, это так, возрастное? Мальчишки мечтают в космос, девчонки – в актрисы...

– У Марины серьезно. Она давно готовится... Помните интервью Бондарчука в «Литературке»? Он прежде всего поступающим задает вопрос: «Можете не быть актером?» В том смысле, можешь не быть – лучше выбрать другую профессию. Ведь артистом надо родиться и другого поприща себе не представлять... Марина, мне кажется, из этой породы. И потом – может быть, гены. Мать у нее была актрисой... – Гай вздохнул и долгим взглядом посмотрел в окно. Потом добавил: – Впрочем, я не обольщаюсь...

– Надо надеяться.

– Надеяться... – повторил Федор Лукич. Лицо его по-

мрачнело. – Если бы смотрели только на талант... Как будто вы не знаете... Связи, знакомство, – произнес он с горечью. – Говорим одно, а на деле... – Гай махнул рукой и добавил: – А Марина совсем еще дитя... Наивная...

Дагурова поинтересовалась подробностями аварии с мотоциклом. Гай не очень охотно рассказал, как пять лет назад Нил повез его дочь кататься на озеро. Дело было в весенние каникулы. Кончилось все очень печально: Марина получила сложный перелом бедра. Первую операцию делали в области. Врачи боялись, что девочка останется калекой на всю жизнь. Федор Лукич не мог с этим смириться. Не считаясь ни с какими расходами, отправился с дочерью в Курган, к знаменитому хирургу Илизарову, который в свое время лечил Брумеля, олимпийского чемпиона по прыжкам в высоту. Марина долго лежала у него в клинике. Затем – курорты, Черное море.

– Сколько вынесла девочка, представить себе трудно, – сказал Гай. – До сих пор каждый день специальная гимнастика... Знаете, у нее и сейчас одна нога короче другой. Правда, теперь и сравнить нельзя с прошлым...

– А я ничего не заметила, – призналась следователь, – ходит как королева.

– Характер, – с гордостью произнес Федор Лукич. – Вот что значит одержимость стать киноактрисой.

Вернулись к утреннему разговору с Гаем. Ольга Арчилова оформила его протоколом. Задала еще несколько вопро-

сов. В том числе – когда появился вчера в Турунгайше Авдонин?

– Эдгар Евгеньевич приехал около двенадцати дня, – ответил Гай. – Сразу в академгородок... Там как раз Аделина была. В начале первого заглянул ко мне в контору, оставил для отметки командировочное удостоверение и, как я уже говорил, просил достать билет. Лето, лучше заранее...

– Когда он думал лететь обратно?

– В четверг.

– Какие у него тут были дела?

– Какие? Научные. Наблюдение за соболями... Что они едят, как влияют погодные условия... Да мало ли! В частности, он должен был отстрелить одного зверька... Состояние меха зимой и летом, видимо, тоже очень интересно для науки.

Федор Лукич достал из сейфа сложенный вдвое плотный листок бумаги с жирной красной полосой наискосок на титуле.

Это было разрешение, выданное в Главном управлении охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР. Оно удостоверяло, что Авдонин имел право на отстрел одного соболя в научных целях на территории заповедника Кедровый в срок с 27 июля по 1 августа. Добытую шкурку Эдгар Евгеньевич должен был сдать на кафедру своего института.

Дагурова, ознакомившись с разрешением, вернула его

Гаю.

– Хорошо... Значит, Авдонин зашел к вам в начале первого. Дальше.

– Мы пошли ко мне домой, перекусили.

– Марина была дома?

– Да, – сказал Федор Лукич, внимательно посмотрев на следователя... – Обедали втроем.

– Как долго?

– Минут сорок, не больше... У меня были дела в конторе.

– Вы ушли из вашего дома вдвоем?

– Конечно. То есть прихватили еще Султана. Это моя собака. Лайка. Эдгар Евгеньевич, когда приезжал, охотился с ней, конечно с разрешением... Не заходя в контору, Авдонин отправился в академгородок. Переодеться, значит, и заняться своими делами.

– То есть охотой?

– Да, отстрелом.

– С Мариной он как? О чем-нибудь говорил?

– Уверяю вас, – отчеканивая каждое слово, произнес Федор Лукич, – с ней он успел перекинуться лишь двумя-тремя словами. Но обещал зайти вечером, рассказать московские новости.

– Понятно... Ничего настораживающего вы не заметили?

– Да нет. Встреча как встреча... Правда, Эдгар Евгеньевич передал Марине подарок...

– Что именно?

– Джинсы. Белые... Девочка обрадовалась... Я счел неуместным говорить что-нибудь при ней, хотя один на один сказал Авдониному, что он проявляет излишнюю щедрость.

– Он пришел к вам вечером, как обещал?

Гай тяжело вздохнул.

– Последний раз я видел его около шести часов. Он привел Султана...

– Куда?

– Ко мне домой.

– А с Мариной он встречался?

– Нет, она ушла... Потом выяснилось: бродила по тайге с Осетровым... Думал ли я, что через каких-нибудь три часа увижу Эдгара Евгеньевича там, в распадке, мертвым... – Гай долгим взглядом посмотрел в окно.

– Осетров появлялся в воскресенье, то есть вчера, в Турунгайше?

– Да, он зашел ко мне, принес карточки наблюдений.

– В котором часу это было?

– Точно не помню. По-моему, вскоре после того, как Авдонин забрал Султана... Что-то около двух.

«Нил тоже называл это время», – отметила про себя Дагурова.

– Они могли встретиться?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – пожал плечами Гай.

– Вы не сообщали Осетрову, что приехал Авдонин?

– А зачем? – удивился директор заповедника.

– Мог он узнать об этом от других?

– А почему бы и нет? Секрета из этого никто не делал...

– Может, Марина сказала?

– Это уж надо узнавать у нее...

Последнее, что интересовало на этот раз следователя, – сколько Федор Лукич слышал выстрелов.

– Вообще их не слышал, – сказал Гай. – На редкость был захватывающий матч. А что творилось на трибунах! Стадион ревел!..

Глава 7

Из-за гибели Авдонины где-то крутилась невидимая машина, кто-то кому-то звонил, интересовался, настаивал, может быть, требовал. Дагуровой передали, что звонил начальник следственного отдела областной прокуратуры Бударин и просил срочно связаться с ним по телефону.

Ольга Арчиловна так и сделала.

– Какие успехи? – поинтересовался Вячеслав Борисович.

– Кое-что есть, – не очень определенно ответила Дагурова.

Будь он рядом, она охотно поделилась бы с ним тем, что удалось установить. И еще больше хотела бы посоветоваться: противоречий хватало. Но по телефону много не скажешь. И еще одна особенность есть у разговоров на расстоянии – не так произнесенная фраза, не так выраженная мысль может быть понята совершенно непредвиденным образом. А спешить и давать повод для неправильного истолкования своих действий следователь не желала.

– Никаких сюрпризов? – настойчиво повторил Бударин.

– Ну, не так гладко, конечно, как вы предполагали...

– Отпирается? – нетерпеливо спросил начальник следственного отдела.

– Нет. В том-то и дело, что признался, мол, убил. А вот мотивы, детали...

– Признание – это уже кое-что, – удовлетворенно произнес на конце провода Бударин. – Детали, как говорится, дело техники... – Это было любимое выражение Бударина. – Кстати, я только что беседовал с начальником райотдела милиции... Если нужна помощь, звоните к нему, требуйте... Куйте железо, пока горячо... Осетров не изменит показаний, как вы считаете?

Дагурова вспомнила Нила. И почему-то уверенно сказала:

– Насчет убийства – нет.

Бударин помолчал, потом спросил:

– Что, вопрос, по какой статье квалифицировать?

– Тоже пока неясно.

– Хорошо, Ольга Арчиловна, работайте. Держите меня в курсе. Только не подумайте, что я вас дергаю от нечего делать. Это меня дергают...

– Из Москвы?

– И здешнее начальство... И республиканское... Ну, желаю успехов...

Не успела она положить трубку, как позвонил начальник райотдела внутренних дел. Он сказал, что ему звонило областное начальство. Есть приказ всемерно способствовать Дагуровой в скорейшем расследовании убийства. Конечно, можно создать оперативную группу, но, по мнению начальника РОВД, лучшего помощника, чем Арсений Николаевич Резвых, Дагуровой не найти. Он так и сказал:

– Считайте, на вас работает весь районный угрозыск...

Решили группу не создавать.

Прежде чем снова допросить Осетрова, Ольга Арчилова поделилась с капитаном своими соображениями, что при-шли ей на ум в распадке.

– А что, если стрелял только Нил? – спросила она.

– Ружья у Авдонины, как мы видели, не было, – сказал капитан. – Значит, только Осетров палил. – Резвых сразу не понял, куда клонит следователь.

– Я вот что подумала, Арсений Николаевич, – стала объ-яснять Дагурова. – Допустим, первый раз Нил действитель-но выстрелил вверх. Затем, по его показаниям, Авдонин... А не принял ли Осетров эхо от своего выстрела за выстрел доцента?

Капитан встал, прошелся (беседа происходила в комнате, где утром следователь завтракала с его женой).

– Эхо, говорите? – задумался капитан.

– Я крикнула, – кивнула следователь. – Минуту, наверное, аукалось.

– В распадке эхо что надо, – согласился Резвых. – Вы хо-тите сказать, что Осетров не то чтобы врет, а просто добро-совестно заблуждается. Так?

– Вот именно, – сказала Дагурова. – Хочу знать ваше мне-ние.

– С одной стороны, дело это возможное, – осторожно вы-сказался капитан.

– А с другой?

– И с другой тоже, – улыбнулся Арсений Николаевич. – Но ведь парень утверждает, что Авдонин наставил на него ружье!

– Может, у Авдонина палка была. Может, он просто руку поднял. Вот Осетрову и показалось. Сам же говорит, что вначале была осечка, но тут же утверждает, что после этого просвистела пуля... Вы Нила знаете лучше меня. Неужели он сознательно все путает и вводит нас в заблуждение?

– В том-то и дело, не похоже, товарищ следователь... Хорошо, мне соврал. Но вам-то! И ведь держится первоначальных показаний... Я-то знаю, если с самого начала не врет, значит, все так и было. По опыту. А насчет эха... Вдруг тут разгадка, а? – прищурился Арсений Николаевич. – Ведь врать нужно с умом. А так его каждый выведет на чистую воду запросто, – убежденно сказал капитан. И заключил: – Аукается в распадке громко, вы это заметили...

Резвых не то чтобы полностью поддержал версию следователя, однако понимал: эхо как-то сглаживало противоречие между показаниями Осетрова и добытыми фактами.

Но лесник категорически отрицал, что ружье в руках Авдонина ему померещилось.

– Хорош бы я был пограничник, – хмуро сказал Нил. – И потом, получается, что я стрелял без всякого основания... Так не пойдет, гражданин следователь... Думаете, не было у меня стычек с браконьерами? И грозились, и ружья наставляли... До стрельбы не доходило, это верно. Но все равно

я бы никогда не выстрелил первым в человека. Никогда! – Он помолчал, подумал и добавил: – Разве что в нарушителя границы... Но то враг. Не ты его, так он тебя...

Намек на то, что он мог ошибиться, насторожил лесника. Ольга Арчиловна почувствовала, что Осетров во всем видит ловушку.

– Поймите, Нил, – убеждала его Дагурова, – у нас с вами концы с концами не сходятся.

– Это у вас не сходятся. А я при чем? Разве мало, что я честно признался: да, убил... Какое значение имеет все остальное? – с отчаянием произнес Осетров.

– Имеет. И вы отлично знаете, о чем я говорю, – спокойно сказала следователь.

– Объясните, если можно...

– Одно дело, если вы нечаянно... – начала она.

– Нет, – резко перебил Осетров. – Если уж на то пошло, в меня стреляли, я защищался... Это делает даже самая маленькая птица... Вы видели когда-нибудь, как воробьи нападают на ворону, разоряющую их гнезда? Маленький, вот такой, а бьется, налетает... Это закон жизни.

– Закон жизни, говорите? Ну, насколько я знаю, дерутся насмерть не только защищая свою жизнь, – возразила Ольга Арчиловна. – И вам, как природоведу, должно быть известно, в каких случаях это бывает.

– Вон вы куда... – опустил голову лесник. – Значит, как маралы весной... Кому достанется самка. – Он поднял на

следователя тяжелый, укоряющий взгляд: – Я не зверь. Как-никак человек.

А в глазах обида и отчужденность. Ольга Арчиловна поняла: между ними опустилась глухая железная заслонка. И как пробить в ней хоть небольшую щелочку, следователь себе не представляла. Видимо, придется ей немало подумать, узнать об Осетрове, разобраться в его внутреннем мире.

Когда Дагурова вышла после допроса во двор, капитан прогуливался по саду, однако, как поняла следователь, не спускал глаз с дверей «службы». На его немой вопрос Ольга Арчиловна тоже безмолвно развела руками: парень, мол, не отступается.

– Санкцию на арест будете получать у районного прокурора или у себя, в области? – поинтересовался Резвых.

– И не думала еще, какую меру пресечения выбрать, – ответила следователь.

Это было правдой – она вообще не знала, как быть с Осетровым.

– Может быть, ограничимся подпиской о невыезде? – посмотрела Ольга Арчиловна на участкового. – Если Осетров говорит правду? Зачем же его брать под стражу?

Арсений Николаевич повел плечами. После разговора следователя с начальником РОВД Резвых, по существу, был подключен к следствию официально. И имел право на объяснение.

– Вот именно, – продолжала Дагурова, поняв его состоя-

ние. – Допустим, Нил не врет. В него стреляли. Пусть неудачно. Что же, ему надо было ждать второго выстрела?

– Вы, значит, клоните к тому, что тут не убийство, а превышение предела необходимой обороны? – произнес Арсений Николаевич рассудительно.

– Возможно, и превышения не было, – задумчиво ответила Ольга Арчиловна. – Просто необходимая оборона...

– Оно, конечно, если он правду говорит, – согласно кивнул капитан. – Хочется верить, а... – Резвых посуровел. – Ружье-то где? Где авдонинское ружье? Не ворона же в клюве унесла... А мешок? Нету и его, товарищ следователь... С какого боку ни посмотри – убийство... Преступление, Ольга Арчиловна.

– Может быть, преступление, а может быть, и нет, – устало сказала Дагурова.

– Выходит, отпустить на все четыре стороны? А через неделю объявлять всесоюзный розыск? – Арсений Николаевич показал направо. – Туда тайга на тысячи верст, туда, – он указал налево, – еще дальше... Ищи-свищи тогда.

– Верно, – кивнула следователь, – не похвалят... Эх, Арсений Николаевич, кабы я сама знала, что лучше... В одном вы правы – отпускать Осетрова рискованно. Пока загадка с этими выстрелами не распутается... Думаю, достаточно и того задержания, которое вы уже оформили на Осетрова. Закон разрешает задерживать подозреваемого на трое суток без санкции прокурора. А дальше видно будет.

Дагуровой показалось, такое соломоново решение устроило и участкового.

– Доставить в райотдел? – спросил он бодро.

– Да.

– Понял, Ольга Арчиловна.

– И не забудьте узнать о подробностях аварии на мотоцикле, – напомнила Дагурова.

Вещи иной раз могут сказать о человеке больше, чем он сам. Верная истина. И в то же время не совсем. Вообще Ольга Арчиловна не очень-то доверяла прописным мудростям.

Вот такие мысли занимали Дагурову, когда она производила обыск в доме Осетрова.

Нил жил в нем один. Рубленая изба располагалась на самом дальнем кордоне заповедника. Она вся была изукрашена деревянной резьбой. По лобовой и торцовым доскам, светелке, наличникам бежал узор крупными завитками, в которые вплетались то какие-то диковинные цветы, то кедровые шишки, то гроздья винограда. Тени в углублениях лежали сочные, рельефные.

Понятыми Ольга Арчиловна взяла Богатырева, лесника с соседнего обхода, и его соседа. Кроме того, поскольку в доме не было никого из хозяев, следовательно, как и положено по закону, пригласила секретаря исполкома поселкового совета Слесареву.

Заметив, что следователь залюбовалась мастерством

умельца, сработавшего такую красоту, Слесарева с грустью произнесла:

– Мокея Архиповича работа, отца Нила... Золотые руки были у мужика.

Зашли в дом. Две большие комнаты. В одной железная кровать с никелированными шишечками, стол и стулья послевоенного образца. На полу медвежья шкура. Во второй комнате тяжеловесный сервант и под стать ему шкаф, несколько ковриков, сшитых из каких-то звериных шкурок. Коврики были выполнены с большим вкусом: один напоминал стилизованное изображение солнца, другой, по-видимому, родился в голове у автора как воспоминание о волнующемся море – вольная игра воображения, вылившаяся в причудливый орнамент. Они доказывали, что мех может быть отличным и выразительным материалом для художественных изделий.

Но что говорили все эти вещи о характере обитателя избы?

Что он житель глухой тайги, где все издревле связаны с охотой? Что жизнь его течет в суровом и нелегком краю? И достаток, в общем-то, не особенно большой, однако вполне устраивающий Нила, поскольку он добровольно вернулся сюда после армии, хотя мог бы получить другую специальность и переселиться в город...

Но это были только предположения. А знаний, тонкостей здешнего быта, которые дали бы основание судить глубоко

об Осетрове, у Ольги Арчиловны не было. Для нее обстановка дома потомственного лесника оставалась всего лишь необычной. Даже в какой-то степени экзотической.

Вполне возможно, что медвежья шкура, коврики из меха, даже эта мебель тоже местный стандарт. И лучше пока воздержаться от каких-либо выводов.

Другое дело фотографии.

– Кто это? – спросила следователь Богатырева, показывая на увеличенный снимок мужчины с усами, висевший над сервантом.

– Сам Мокей Архипович, – с уважением ответил понятой.

– Вы знали его?

– А как же! – Лесник был немолод и тоже носил усы. – Первейший охотник. А погиб нелепо... От ножа браконьера! Эх, жить бы еще да жить мужику!..

– Давно погиб? – спросила Дагурова.

– Годиков восемь. Так, кажется? – спросил он у Слесаревой.

– Верно, восемь, – подтвердила та. – Ему было чуток за шестьдесят... А отец Мокея Архиповича до девяноста дожил...

Нил лицом вышел в отца: такие же светлые упрямые глаза, высокий лоб, твердая линия подбородка. Воротник косоворотки, казалось, давил шею Осетрову-старшему. Даже по фотографии заметно – крепкий мужик, таежный...

– Это сейчас хлипкие мужчины пошли, – вздохнул Бога-

тырев. – Не тот корень.

– Потому что пьют, – заметила секретарь исполкома.

– А раньше лапу сосали, что ли? – усмехнулся в ответ лесник.

– Знали, когда и сколько, – отрезала Слесарева.

Следователя привлекла еще одна фотография. Знакомое лицо. Ольга Арчиловна напрягла память.

– Артист у нас тут был... – помог ей понятой. – Нил ему понравился. Вот, подарил.

Верно: с портрета на Дагурову смотрел Родион Уралов. Помнится, он блеснул в нескольких фильмах. Особенно ему удалась роль молодого командира партизан в Гражданскую войну. Как он лихо скакал на лошади, мчался в тачанке! После этой картины Уралов почему-то на экране не появлялся.

На обратной стороне фотографии неровным, прыгающим почерком было выведено: «Суровому другу зверей Нилу Осетрову от заблудившегося в Москве сохатого Родиона».

Писавший, как показалось следователю, несколько кокетничал. И явно был нетрезв, о чем красноречиво говорили кривые, разъехавшиеся в разные стороны буквы. А номер московского телефона разобрать было и вовсе мудрено.

«Смотри-ка, – подумала Ольга Арчиловна, – даже телефон оставил... По пьянке или Нил действительно обворожил столичного артиста?»

У Осетровых было много книг по специальности. Следователь перелистала некоторые. «Зоогеография Дальнего Во-

стока», «Охрана природы на Дальнем Востоке», «Растительный и животный мир Уссурийского заповедника», «Численность харзы в Амуро-Уссурийском крае», «Соболь Дальнего Востока». Книги были переложены закладками – значит, читает...

– Чуть что, прямо как по писаному шпарит, Нил – головастый парень, – сказал понятой, видя, что заинтересовало следователя.

Дагурова взяла в руки толстую общую тетрадь в коленкором переплете. Открыла первую попавшуюся страницу. В глаза бросились стихотворные строки:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Ольга Арчиловна удивилась. И ровному твердому почерку, несомненно мужскому. И точности выбранного по мысли отрывка. Поэт явно был несовременный. Но очень, кажется, известный, до боли знакомый по форме и интонации.

У них дома в Ленинграде поэзию любили и почитали. На отцовских стеллажах поэтические сборники занимали почетное место. От Сумарокова до Блока, от Есенина до Вознесенского. И Ольга Арчиловна, кажется, читала всех. А вот кому принадлежали эти строки, припомнить не могла. К своему стыду...

Дагурова стала листать тетрадь. Короткие, в одну фразу, записи перемежались длинными рассуждениями. В том, что она держала в руках дневник Нила Осетрова, следователь не сомневалась...

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руку положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

Ольга Арчиловна улыбнулась про себя. Александр Блок, это уж точно. Значит, все-таки помнит.

«Не могу понять, когда Чижик играет, а когда сама по себе, – читала Дагурова. – Но ведь я живой человек, и мной играть нельзя». В этих строках явно звучала горечь. А через несколько страниц следователь споткнулась об имя Авдонина. Нил записал: «Что же интересуется Авдонина – состояние популяции животных или Марина?»

Следователь перечитала написанное. Что это означало? Явная неприязнь к Авдонину.

Поняв, что с дневником следует ознакомиться тщательней и в более удобной обстановке, Ольга Арчиловна решила взять его в академгородок. Кто знает, может быть, придется приобщить к делу. Если отыщутся записи, как-то проливающие свет на вчерашнее происшествие в распадке...

Помимо дневника, следователь изъяла еще недавно полученное Осетровым письмо. От какого-то Меженцева А.В.

Из Владивостока. Дагурова никогда не забывала уроки своей наставницы – Марии Акимовны Обретеновой. Вот и сейчас ей припомнился интересный случай из практики следователя прокуратуры района. Обретенова вела дело о человеке, занимающемся спекуляцией шкурками. Он и золото перекупал у старателей. Но вот найти золото было трудно, хотя Мария Акимовна была убеждена, что драгоценный металл спрятан в доме у преступника. Обнаружить тайник помогла одна деталь. Обретенова узнала, что обвиняемый никогда не приглашал к себе печника и ремонтировал печь сам. Тогда Мария Акимовна решила разобрать в доме преступника «контрамарку» – так называлась в народе круглая печь. И действительно, тайник с десятью килограммами золота обнаружили в печи...

«А что и как мог спрятать в своем доме Осетров, что пролило бы свет на убийство?» – думала Дагурова. Она еще и еще раз тщательно осматривала, проверяла жилище лесника, его вещи, но, увы, ничего интересного, помимо дневника, обнаружить не удалось. Может быть, потому, что она действительно еще мало знает об Осетрове? Мария Акимовна говорила: «Обыск тогда эффективен, когда хорошо знаешь особенности обыскиваемого».

Глава 8

Судебный медик Иван Иванович Кабашкин вернулся в заповедник под вечер. Со своим делом он уже справился – заключение о результатах вскрытия трупа Авдонины было закончено и подписано. До Турунгайша его подбросили на машине райбольницы, а в академгородок проводил сам Гай. По дороге Кабашкин интересовался у Федора Лукича, как нынче с грибами.

– Для осенних, благородных, еще рановато, но бабы носят...

У Веселых был заспанный вид. А у заспанного человека всегда какое-то подавленное настроение.

– Артем Корнеевич, – обратился к нему Иван Иванович, – а не сходить ли нам завтра по грибы?

– Мы же хотели лететь домой, – без всякого энтузиазма произнес эксперт-криминалист.

– Вертолет будет только вечером... Ну, решайтесь, – настаивал Кабашкин, стараясь расшевелить Артема Корнеевича.

– Можно, – подумав, ответил тот.

Гаю что-то хотелось спросить, может быть, узнать. Это чувствовалось по особому выражению глаз. Федор Лукич переминался с ноги на ногу. Но все же не решился.

– Жильем довольны? – только и задал он вопрос.

– Нормально, – пробасил Веселых.

– Рай! – откликнулся Кабашкин. – Недельку бы с удовольствием тут провел...

– За чем же дело стало? Берите отпуск, приезжайте. Устроим...

– Не волен, – с притворной грустью развел руками Иван Иванович. – Моя благоверная жить не может без моря... Раз в году обязательно подавай ей черноморский пляж, шторм не более чем в один балл... А так как на нашей брэнной ма-тушке-земле вновь воцарился матриархат...

– Что-то не замечал, – буркнул эксперт-криминалист. Кажется, болтовня медика его несколько раздражала.

– Точно, – засмеялся Кабашкин. – Окончательно и бесповоротно... Да это вам любой социолог подтвердит. – Иван Иванович, довольный, оглядел присутствующих, наслаждаясь произведенным эффектом, и вдруг без всякого перехода предложил: – По-моему, самое время поужинать... Федор Лукич, посидите с нами. Отдохните от трудов праведных, а?

– Спасибо, – благодарно ответил Гай. – С радостью бы...

– Вот и отлично! – загорелся Кабашкин.

– Но... – виновато произнес Гай. – Я дочь собираю. Завтра ей в Москву... С вами полетит на вертолете...

– Тогда другое дело. Неволить не имеем права...

– Да, вам молоко не приносили? – спросил Гай.

Кабашкин посмотрел на Веселых. Тот отрицательно покачал головой.

– Принесут, – пообещал директор и, пожелав приятного аппетита, вышел.

– Симпатичный мужик, – сказал Иван Иванович. И захлопотал, что-то напевая и гремя посудой.

Когда приступили к еде, раздался стук во входную дверь. Пришла уставшая Дагурова. Кабашкин тут же усадил следователя за стол.

И впервые за сутки Ольга Арчиловна почувствовала, как голодна. На этот раз она с удовольствием проглотила и рыбные консервы, и горох с кусками сала, предложенные медиком.

После ужина разговор незаметно перешел на дело.

– Кратко, но исчерпывающе, – сказала Дагурова, прочтя внимательно заключение судебно-медицинской экспертизы.

– Краткость – сестра таланта, – улыбнулся Иван Иванович.

– Значит, время смерти Авдонина вы указываете такое же, как его зафиксировала жена Резвых, – констатировала Ольга Арчиловна.

– Совершенно верно, – подтвердил Кабашкин. – В начале десятого вечера.

– Понимаете, что меня смущает... – Ольга Арчиловна обращалась одновременно к обоим собеседникам. – Почему пуля из ружья Осетрова попала Авдонину не в лоб, а чуть выше левого уха? Осетров показал при выходе на место происшествия, что они стояли друг против друга. – Она повер-

нулась к Веселых: – Как это с точки зрения баллистики?

Артем Корнеевич со свойственной ему неторопливостью подумал, разглядел усы.

– А почему Авдонин должен был во время выстрела Осетрова смотреть прямо на него? Расстояние – тридцать метров. Сумерки. Авдонин мог в этот момент слегка повернуться, инстинктивно, в порядке самозащиты...

– Второе, – продолжала Дагурова. – Входное пулевое отверстие находится над левым ухом, а выходное – чуть ниже правого...

Ольга Арчиловна вопросительно посмотрела на Кабашкина, потом на Веселых, ожидая их пояснений.

– Рикошет, – первым ответил медик.

– Тоже вполне допустимо, – кивнул Артем Корнеевич. – Пуля двигалась под углом к кости. И, войдя в череп, изменила направление...

– Случается, значит? – спросила Дагурова.

– Ольга Арчиловна, случается такое, что вы даже представить себе не можете, – сказал Веселых. – Может произойти такой рикошет, предвидеть и рассчитать который не может даже ЭВМ... Например, круглая калиберная пуля. Охотники применяют... Бывает, ранит самого стрелявшего.

– Как это? – удивилась Ольга Арчиловна.

– О, это коварная пуля! При стрельбе она множественно отражается от окружающих предметов – камней, стволов деревьев, особенно мерзлых, зимой, и возвращается к охотни-

ку.

– Представляю, – покачала головой Ольга Арчиловна. – Встретиться с таким случаем... Не завидую тому следователю.

– Голову сломать можно, это верно, – согласился эксперт-криминалист.

Как только речь коснулась его кровного дела, он оживился. Это заметили и Дагурова, и Кабашкин.

– Артем Корнеевич, а все-таки хотелось бы найти пулю, поразившую Авдони́на. И приобщить как вещественное доказательство.

– Я же вам говорил, – поморщился Веселых.

– Помню. Вам одному трудно. Вот поэтому я и попросила начальника райотдела прислать людей завтра, – сказала следователь. – Обещал прямо с утра. Дружинников, активистов из общества охотников...

– Будут люди – сделаю все возможное, – коротко сказал Веселых.

Кабашкин усмехнулся.

– Ну, Артем Корнеевич, что я вам толковал? Ольга Арчиловна всегда найдет работу.

– Я не против, – пробурчал Веселых. – Дело есть дело.

Вспомнив об особенностях экспансивных пуль, находящихся в патронах осетровского карабина, следователь решила уточнить у судебного медика: обнаружены ли на голове убитого те самые частицы оболочки, о которых ей говорил

криминалист?

Кабашкин подтвердил наличие металлических частиц на голове Авдониной, показал то место в акте, где это зафиксировано, но тут же обратил внимание следователя на то, что эти частицы нуждаются в дополнительном исследовании не медиками, а специалистами иного профиля.

Перед тем как разойтись по своим комнатам, Ольга Арчиловна решила поделиться соображениями насчет эха. И вообще о том, в каком психическом состоянии находился Осетров, который перед этим не спал сутки да еще в предыдущую ночь употреблял спиртное. Могло ли это повлиять на него?

– Мне трудно что-либо сказать, – признался Иван Иванович.

– Так вы же медик, – возразила Дагурова.

– Что касается брэнного тела, без души, тут я, с вашего позволения, кое-что смекаю. А область отклонений психики, всякие там навязчивые идеи... Это надо обращаться к специалисту. – Он задумался. – Чуть не забыл! В Шамаюне практикует отличный врач-психиатр. Уверен, это то, что вам нужно. Ее даже в области хорошо знают. Правда, поговаривают, она сама немножечко того... – Кабашкин pokrutil пальцем возле виска.

– Как фамилия? – спросила следователь.

– Мозговая... Психоневрологическая больница...

– И фамилия соответствует специальности, – сказал Ве-

селях.

– А если она действительно с приветом, не обращайтесь внимания. – Иван Иванович пожал плечами. – Может, права пословица: с кем поведешься...

– Так уж и права, – возразила Дагурова. – Выходит, следователи тоже?.. Раз имеют дело с преступниками...

– А егеря-браконьеры? Что, не бывает? – в свою очередь спросил Иван Иванович. И сам ответил: – Увы, случается...

...Спать Ольга Арчиловна не легла. Надо было записать в блокнот свои кое-какие соображения. Одно из мудрых (и как она убедилась на практике, совершенно справедливых) правил, усвоенных ею от отца, – незаписанная мысль легко уходит, забывается.

Дагурова раскрыла блокнот и записала: «Версия об убийстве на почве ревности остается пока главной.

Версия вторая – убийство при самообороне».

И хотя эту вторую версию пока не подтверждали факты и она основывалась только на показаниях одного Осетрова, отбрасывать ее Дагурова все равно не имела права.

«Версия третья. Нечаянное убийство. Выстрел Осетрова в воздух, эхо... Осетров принял эхо за выстрел Авдонины.

Версия четвертая – убийство в состоянии аффекта...»

Думая о четвертой версии, Ольга Арчиловна рассуждала так: между соперниками (Авдониным и Осетровым) произошло бурное объяснение. Лесник, оскорбленный, покидает место ссоры, однако, находясь еще в сильном возбужде-

нии, поворачивается и стреляет в Авдони́на. Вот именно: не в упор, во время разговора, а чуть позже, когда на Нила накатывает повторная волна обиды. Кстати, эта самая вторая волна порой может быть сильнее и опасней...

Наименее убедительной выглядела вторая версия, на которой настаивал Нил. И не только потому, что на месте происшествия не было обнаружено ружье московского ученого. Следователю не давало покоя то, что ранение Авдонин получил возле уха. Значит, соперники находились не лицом к лицу. Скорее уж можно предположить, что выстрел был произведен сбоку. И она дописала пятую версию.

Конечно, и Кабашкин, и Веселых – специалисты опытные. Их объяснение заслуживает самого серьезного внимания. Более того, они, вполне возможно, правы. Но ведь и самое простое – именно боковой выстрел – должен приходиться на ум прежде всего.

Дагурова долго рассматривала свою схему, составленную на месте происшествия. Вздохнула и поставила возле второй версии (самого Осетрова) жирный вопросительный знак.

Затем она набросала в блокноте заметки, что надо сделать завтра: а) провести амбулаторную психиатрическую экспертизу (позвонить Мозговой и попросить обследовать Осетрова). Заодно пусть и другие врачи проверят, как у него со зрением и слухом; б) послать в Москву отдельное требование: какие вещи взял с собой в командировку Авдонин? Большой чемодан, который обнаружили в его комнате, почти пустой.

Возле этой заметки в блокноте Дагурова записала: «Возможно, обворовали?» Тут, правда, возникли дополнительные вопросы: если воры залезли в академгородок, то почему не взяли дорогой магнитофон, костюм и другие вещи Авдонина?

Пока известно точно, что у московского доцента еще было ружье. Возможно, деньги. Тех, которые Авдонин дал Гаю, хватило бы только на билет. Не мог же Эдгар Евгеньевич, человек, по всему видно, не стеснявший себя в расходах, остаться без наличных. Правда, если он по случаю приобрел магнитофон, тогда другое дело.

Еще среди обязательных мероприятий на завтрашний день – допросы Марины и Осетрова. А среди «мелочей» – выяснение погоды во время происшествия. В частности, какая была видимость в распадке. И не отправлял ли в Москву Авдонин почтовых посылок?

Однако предвидеть все могущие возникнуть вопросы было, конечно, невозможно. Отложив блокнот с записями, Дагурова ознакомилась с письмом, найденным дома у Осетрова.

Автор его – некий Меженцев (тоже следовало бы ознакомиться с его личностью) – сообщал Нилу, что в скором времени собирается приехать в заповедник и просит его быть наготове... Письмо короткое, написано интеллигентным языком, с латинизмами вроде «эрго», «априори» и т. п. Прощался писавший очень дружески: «Не унывайте, славное

путешествие вылечит вас от, как мне показалось, затяжной хандры. Ваш...». И неразборчивая, с загогулинами подпись. Так расписываются люди, привыкшие много и быстро писать, не обращая внимания на каллиграфию. В конце стоял постскриптум: «Много размышляю о вашем сообщении по поводу соболя. Не миграция ли? Подумайте. Впрочем, времени у нас будет достаточно, чтобы обсудить эту проблему со всех сторон...»

Наступила очередь дневника, личного дневника Нила Осетрова, потому что был еще другой дневник, служебный, который, как пояснил Ольге Арчиловне понятой, должны вести все лесники, записывая наблюдения за природой и зверями. Но тот – следователь просмотрела его – состоял из сугубо деловых записей и никакого интереса для следствия не представлял.

Насколько можно было судить о событиях, отраженных в толстой общей тетради, дневник был заведен Осетровым года три назад, когда он вернулся из армии. Дат не было, системы тоже. На листы ровным твердым почерком ложились поразившие лесника строки поэтов, писателей, интересные высказывания, почерпнутые из книг, журналов, впечатления от встреч с людьми и, конечно, личные переживания.

Она еще раз убедилась, что парень был читающий, но не устоявшийся в своих пристрастиях. В записях он явно подражал Пришвину, Эренбургу, кажется, Олеше («Ни дня без строчки»). Например, Осетров писал: «Ходил весь день по

тайге на лыжах. Вдруг почувствовал: накатывается снежная слепота. Вспомнилось: Чижик, треск сломанного мотоцикла и мать. Мать говорит мне (в больнице): «Сынок, тебе не больно?» А я думаю только о Чижике и ничего не вижу. Самое страшное – я думал, что она умерла. Врачи не говорили мне ничего целый день...»

А вот и цитата. «Только правда, как бы она ни была тяжела, «легкое бремя». Правду, исчезнувшую из русской жизни, – возвращать наше дело. Александр Блок».

Тут же рядом Нил пишет: «800 стихотворений Блок посвятил Прекрасной Даме. Это была реальная женщина, Любовь Менделеева, дочь великого химика, ставшая женой поэта. Я посвятил Ч. только четыре. В количестве ли дело? А все-таки цифра 800 – звучит!»

«Ч.» – нетрудно догадаться – Чижик. О ней в дневнике упоминалось настолько часто, насколько прозрачна и ясна истина: Нил в девочку влюблен.

Самое удивительное, что имя Авдонины встретилось Ольге Арчиловне еще только два раза.

«Говорят, снова приезжал Авдонин. Жаль, что я опять находился в Иркутске, сдавал сессию. Хотелось бы наконец поглядеть, что за птица. Нашелкал наших, привез цветные фотографии. Так и слышишь: Эдгар Евгеньевич, Эдгар Евгеньевич... Зачем он крутит мозги Чижика? Зачем ему подлизываться к лесникам? Видел его в Турунгайше, похож на хорька».

Дагурова задумалась. Получалось так, что Осетров был предубежден против Авдонины заранее. Не скрестились бы их сердечные пути, написал бы Нил так о человеке, которого, в сущности, не знал?

Самый неверный советчик в оценке другого – зависть. Ну и конечно, ревность – разновидность зависти. Ревнуют к счастливому сопернику, неудачник не принимается во внимание.

В одном Осетров, кажется, не лгал на допросах: с Авдониным он и впрямь, кажется, не был знаком.

В другой и последний раз Авдонин возник в дневнике рядом с Родионом Ураловым.

«Авдонин привез киноартиста Уралова, а сам улетел в Москву. Родион – отличный парень. Правда, любит спиртное, Чижик говорит, выпил у нее флакон французских духов. Жаль, в Москве Родион пропадет, это на нем написано, как судьба. А ведь свой, сибиряк, читинский».

Следователь вспомнила надпись на фотографии, подаренной Нилу. Нет, видать, не кокетничал Уралов. И впрямь заблудился в столице...

Вдруг звякнуло окно. Тихонечко, жалобно, словно крикнула птичка. Увлеченная чтением, Ольга Арчиловна вздрогнула. Отодвинула полотняную занавеску. На бархатном фоне ночи высвечивалось из комнаты лицо с раскосыми глазами. Женщина показала рукой куда-то в сторону. И исчезла. Дагурова поняла: она просит открыть входную дверь, запер-

тую изнутри. На этот раз она смотрела на Ольгу Арчиловну более приветливо.

– Однако молоко на ночь хорошо, – произнесла женщина. В руках она держала авоську с двухлитровым баллоном молока, закрытым полиэтиленовой крышкой.

Женщина мягко прошла на кухню, высвободила банку из авоськи и поставила на стол.

– Ой, спасибо... И зачем вы утруждали себя? – стала благодарить следователь. – Ночью, по тайге... Опасно.

– Это плохому человеку опасно, – певуче произнесла женщина. – С плохими мыслями и днем в тайгу не ходи. Зверь не любит, когда нехорошо думаешь.

Говорила она по-русски как будто правильно. И все же какой-то акцент чувствовался.

– Простите, как вас звать? – спросила Дагурова.

– Зови Аделина, – серьезно ответила женщина.

– А по отчеству?

– Просто Аделина, – сказала та, словно приказывала. И вдруг заинтересовалась: – Живот принимает молоко?

От такого, прямо скажем, не очень скромного вопроса Ольга Арчиловна растерялась.

– В общем-то пью...

– Тогда пей. Лицо будет белое, спать будешь крепко... Ты не обижайся, есть такой живот – молоко не принимает. Тогда надо кислое молоко пить...

Аделина произнесла это так убежденно, что Ольге Арчи-

ловне и впрямь захотелось выпить молока. Она словно уже ощутила его вкус во рту.

Аделина смотрела на Ольгу Арчиловну словно врач, наблюдавший за больным во время лечебной процедуры.

– Свое? – спросила Дагурова, наливая второй стакан.

– Корову держу... А магазинное не то. Ни запаха настоящего, ни вкуса.

– Конечно, домашнее лучше, – согласилась Ольга Арчиловна. – А как тут корову пасти? Медведи, волки.

– Медведь умный. Человек дурак. Медведь ест корову, когда ягоды нет, – сказала Аделина. И, словно ни к кому не обращаясь, произнесла: – Иван идет.

– Что? – не поняла Ольга Арчиловна.

Но тут послышались шаркающие шаги, и на кухне появился Иван Иванович Кабашкин. Он был в старомодной полосатой пижаме – радость курортников лет двадцать-тридцать назад – и мягких домашних тапочках.

– Угощайтесь, – предложила ему Дагурова. – Аделина ради нас постаралась, ночью из Турунгайша...

– С огромным удовольствием, – согласился медик.

– Да, вы знакомы? – спросила Ольга Арчиловна.

Иван Иванович, не отрываясь от стакана, кивнул.

Аделина, игнорируя вопрос, сказала:

– Утром парное принесу.

Она внимательно посмотрела на следователя. Честно говоря, ее прямо-таки завораживающий взгляд смутил Ольгу

Арчиловну.

– Однако сегодня комаров будет шибко много, – сказала Аделина. – Теплая ночь... – И, не попрощавшись, вышла.

– Колоритна, не правда ли? – поставил на стол стакан Кабашкин. – А ведь я почти заснул... И что меня потянуло на кухню? Прямо телепатия какая-то...

– Странная, – подтвердила Дагурова. – Смотрит как гипнотизирует.

– Что-то в ней цыганское есть, – усмехнулся Иван Иванович. – И насчет комарья – правда! Звенят, окаянные, над ухом. Даже марля на окнах не помогает... Я вам, Ольга Арчиловна, рекомендую намазаться кремом «Редет». А то замучают, не заснете...

Дагурова последовала совету Кабашкина. И то ли действительно крем помог, то ли она была такой уставшей, но заснула как убитая, лишь только головой коснулась подушки, не слыша никаких комаров.

Утром следователя разбудили голоса за окном. Ольга Арчиловна глянула на улицу – десятка три мужиков и парней. Она поняла: приехали люди помогать Артему Корнеевичу искать пулю, которой был убит Авдонин. Часы показывали начало седьмого. Начальник милиции выполнил просьбу следователя весьма оперативно.

Дагурова встала, быстро оделась.

Кабашкин уже сидел на кухне, побритый, в своей пижаме и домашних тапочках, как сиживал, наверное, дома по

утрам.

– Видели? – спросил он у следователя. – Дело будет, я думаю. Даже несколько металлоискателей привезли с собой...

– Очень хорошо, – кивнула Ольга Арчиловна.

Только она успела умыться, пришел капитан Резвых.

Прежде всего речь зашла о том, как провел Авдонин свой последний день жизни.

– Понимаете, Арсений Николаевич, – сказала следователь, – меня интересует, что он делал с шести часов вечера до момента убийства... Насколько известно, Нил Осетров и Марина Гай в это время бродили по тайге. Не могли ли они встретиться с Авдониным? Может быть, кто-то видел их вместе?

– Я уже поспрашивал у лесников, – ответил участковый. – Богатырев с четвертого обхода – да вы его знаете, понятным был – помнит, что Авдонин с собакой шел по направлению к Турунгайшу. Где-то в начале пятого. Но чтобы он был вместе с Нилом, или Мариной, или там еще с кем, никто не видел...

– С шести до девяти вечера, – еще раз подчеркнула следователь.

– Хорошо, Ольга Арчиловна, я вас понял.

– Теперь о деле, по которому раньше привлекали Осетрова...

– Узнал, – кивнул Резвых, – мотоцикл принадлежал бывшему участковому. На пенсии он сейчас. Состоит в совете ветеранов при нашем райотделе...

– Так в чем там суть?

– Ну что? Озорство, если смотреть в житейском плане. А с точки зрения закона – угон автотранспортного средства. Служебного... Не в целях присвоения, а так, покататься. Все равно есть статья... Осетров-то и водить мотоцикл не имел права, удостоверения не было... Насколько я понял, Ольга Арчиловна, вся петрушка из-за того, что он девчонку покалечил...

– Дочь Гая, вы хотите сказать?

– Вот именно... Ущерб мотоциклу не ахти какой. Разбитая фара, помятая коляска... На привлечении к уголовной ответственности Осетрова настаивал Федор Лукич.

– Странно, – произнесла Дагурова. – А если бы парня отправили в колонию?.. Какой приговор?

– Год исправительно-трудовых работ с удержанием двадцати процентов в пользу государства. Отбывал по месту прежней службы. То есть здесь, в заповеднике.

– А возмещение ущерба пострадавшей? Ну на лечение?

– Гай от гражданского иска отказался. Не знаю, может, стыдно стало. Подпортил биографию парню... Дважды бить битого как бы некрасиво.

– Значит, год, – размышляя о чем-то своем, сказала Ольга Арчиловна.

– Это суд приговорил... А потом сам же Гай ходатайствовал о сокращении срока. И о снятии судимости. За хорошую работу.

– Непонятно, – удивилась следователь. – Ударил, а затем погладил...

Капитан снял фуражку, вытер платком лоб.

– Есть такое предположение – Чижик на отца надела. Освободи, говорит, Нила, и все тут... Федор Лукич перед дочерью как воск перед огнем. Она лепит из него что ни пожелает.

– Но историю на озере Гай Осетрову до сих пор не прощает?

– По-моему, директор не жалуется Нила, – согласился участковый.

– А на работе держит, – задумчиво произнесла Ольга Арчиловна.

– Куда денешься? Люди нужны. Такой работник на дороге не валяется. Как-никак потомственный лесник. И дело свое знает.

– Может, опять Марина? – высказала предположение Дагурова. – Так бы уволил. Ведь предлог найти, когда хочешь, не так уж трудно.

– Верно. Было бы желание... Скорее всего, опять Чижик вступилась...

«Вот и еще кое-что прояснилось из биографии Осетрова, – думала Дагурова. – Но кто же он на самом деле? Что главное в его характере, поступках? Образ жизни рождает человека, но в равной мере и человек рождает образ своей жизни. Наш образ жизни впитывает в себя и труд человека,

и личную свободу, и отношение к другим людям, в среде которых мы созрели как личность, и к семье, в которой выросли. И судьба каждого из нас неотделима от судьбы окружающих... Не познав всех этих компонентов, не раскусишь человека...»

Прежде чем отправиться домой к Гаю, Дагурова позволила из Турунгайша от участкового инспектора в районную психоневрологическую больницу Мозговой, к которой посоветовал обратиться Кабашкин.

– Кто это мной интересуется? – ответил следователю низкий хриплый голос.

Ольга Арчиловна назвала себя и попросила провести обследование Осетрова.

– На предмет чего? – поинтересовалась Мозговая.

Дагурова стала объяснять.

– Может, мне вообще дать заключение по фотографии? – недовольно перебила врач. – Могли бы, кстати, сами приехать, рассказать, что вам нужно... Уж что-что, а машиной, я думаю, вас обеспечили...

Ольга Арчиловна извинилась, что приходится объясняться заочно. Но что, мол, поделаешь, хочется все поскорее, а дел срочных и здесь много. Сказала, что постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы доставит ей участковый инспектор Резвых.

– Конечно, для каждого свое дело – самое главное, – пробурчала психиатр. И было непонятно, согласилась она сроч-

но обследовать задержанного или будет ждать следователя для детального разговора.

Дагурова составила вопросы, стараясь, чтобы они были как можно точнее и понятнее для врача. Арсений Николаевич без всяких задержек сел на мотоцикл и махнул в райцентр...

Глава 9

...Марина Гай встретила следователя в узких брючках с разрезами внизу и кофточке с глубоким вырезом на груди, плотно облегающей ее гибкий девичий стан. Брюки и кофточка были из небесно-голубого шелка. Прическа – поднятые наверх иссиня-черные волосы, прихваченные черепаховым гребнем.

Ольга Арчиловна поразилась, до чего изменился ее облик. Вчера – юная европейка из какой-нибудь средиземноморской страны, сегодня – словно молодой цветок Юго-Восточной Азии. И эта кротость в лице, семенящая походка, словно на ногах геты – деревянные сандалии на высоких подставках...

– Простите за беспорядок, – сказала Марина, вводя следователя в большую комнату. – Присаживайтесь, – указала она на тахту.

Ольга Арчиловна села, огляделась. Со стены стекал ковер, устилая тахту и еще полкомнаты.

На креслах, на столе были разложены платья, меховые вещи – красиво вышитый полушубок, шапка с длинными ушами из мохнатого белого меха, рукавички с национальным орнаментом. На полу лежал чемодан, наполненный женским бельем, блузками, чулками и колготками еще в целлофановых пакетах с яркими этикетками. Коробки с туфлями на-

кренились, опершись о горку.

Противоположную стену украшал палас с простым геометрическим узором. В центре паласа висели два скрещенных охотничьих ружья, матово блестящие холодным вороненым металлом и теплым светлым деревом лож. А по бокам их были прибиты олени рога, отполированные и покрытые лаком. Над ружьями из перекрестья дул смотрела на следователя оскаленная медвежья морда.

– Папа застрелил, – пояснила Марина, видя, с каким нескрываемым любопытством Ольга Арчиловна оглядывает убранство комнаты. – Сам и чучело сделал. На областной выставке охотничьих трофеев за эту голову ему дали диплом.

– Выразительно, – согласилась Дагурова.

– Он хороший таксидермист, – просто сказала Чижик. – У папы настоящая мастерская. Все свободное время проводит в ней...

– А это? – показала следователь на тюлененка-белька, лежащего на телевизоре.

– Как натуральный, правда? – Марина поднесла его к Ольге Арчиловне. – Японцы молодцы! Ведь это синтетика...

Ольга Арчиловна невольно провела по игрушке рукой – зверек и впрямь выглядел как натуральное чучело. Мех был мягкий, теплый.

– Эдгар Евгеньевич привез, – печально глядя на заморский сувенир, произнесла девушка. – Скажите, почему я совсем не так переживала, когда умерла моя учительница? А

эта смерть... – Марина вздохнула. – Конечно, чужое горе и свое – разные вещи. Надо иметь большую душу, чтобы со-страдать...

– А маму вы помните?

– Нет. Но это совсем другое. Она умерла, дав мне жизнь...

Иногда мама снится мне живой. И папа с ней весь счастливый... Ведь у каждого мужчины должна быть рядом с ним достойная его женщина.

Марина убрала с одного кресла вещи и села, по-детски положив руки на колени.

– Но зато вот вы у него, – сказала Ольга Арчиловна.

– Последний день... А потом? Аделька? Ей-то ведь все равно, – с горечью произнесла девушка, положив голову щекой на подставленную ладонь. – Это разве любовь?

Дагурова удивилась: вот уж никогда бы не могла предположить, что между Гаем и Аделиной могут быть какие-то близкие отношения. А Марина продолжала:

– Сегодня один мужчина, завтра – другой... Но папа однолюб! Как лебедь. Так его жалко, так жалко! Неужели он ничего не видит?

Обсуждать с этой девочкой сердечные дела ее отца не входило в планы Ольги Арчиловны никоим образом. Поэтому она сидела и молча слушала, поражаясь совершенно зрелым рассуждениям Марины, а еще более – неожиданной откровенности, с которой та выдавала семейные секреты.

Что это? Наболевшее? Или отсутствие собеседника, кото-

рому можно довериться? Но почему именно ей, следовательно?

– Я понимаю, Эдгар Евгеньевич был не похож на тех, кто здесь окружает Адельку... – Девушка обхватила руками одно колено. – Наверное, у нее это так, привычка – чаровать каждого нового...

А вот это заставило Ольгу Арчиловну насторожиться. Куда как прозрачно: Адель, выходит, имела какие-то виды на Авдонина.

«Ничего себе ситуация, – усмехнулась про себя Дагурова. – А что, если не классический треугольник, а четырехугольник? Даже пяти...»

Ее так и подмывало расспросить девушку подробнее, однако удерживала элементарная этика – перед ней почти еще ребенок...

– Может, она польстилась на подарки? – по-детски надула губы Чижик.

– А он ей дарил? – вырвалось у Дагуровой.

– Ну что вы! Насколько я знаю... – Марина задумалась. – Нет, нет. Я говорю, может, она завидовала, что он мне дарил...

– Что, например?

Марина обвела глазами комнату. Встала, подошла к горке, вынула из нижнего отделения портативный магнитофон.

– Ой, как хорошо, что вы напомнили, – обрадованно сказала она. – Честное слово, забыла бы... Подарок Эдгара Ев-

геньевича.

Она положила магнитофон в один из чемоданов.

Ольга Арчиловна обратила внимание: магнитофон японский, как две капли воды похожий на тот, что лежал в чемодане Авдонины.

– А вот... – Чижик взяла с другого кресла платье и положила к себе. У Дагуровой на секунду даже шевельнулось чувство зависти. Очень красивое платье. Длинное, расклешенное, без рукавов, из светло-сиреневого материала с люрексом, оно переливалось, играло, как чешуя сказочного животного. – Идет мне? Только честно...

– Очень, – откровенно похвалила следователь.

– И в театр можно, и вечером по улице пройтись, – проговорила Марина, словно это было на демонстрации мод, и сложила платье в чемодан. – Правда, плечи у меня немного худые, ну да ничего, как вы считаете?

– Ничего, – улыбнулась Дагурова. – Уверяю, в Москве вы произведете впечатление...

– И немножечко подушиться. Самую капельку. У меня «Шанель»... – Марина от удовольствия даже покраснелась и так вошла во вкус, что достала откуда-то из вещей в чемодане изящную коробочку с французскими духами и поднесла к носу Дагуровой. Духи были отличные, пикантной, тонкой композиции.

– Тоже Эдгар Евгеньевич?

– Папа.

– Ну да, те, что подарил Авдонин, выпил Уралов... – вспомнила Ольга Арчиловна запись в дневнике Осетрова.

Девушка посмотрела на нее чуть ли не с испугом.

– А вы... Откуда? Вы знакомы с Родионом? – удивленно спросила она.

– Мариночка, – с улыбкой сказала Дагурова, – я же следователь. А следователь должен знать такое...

– Какое? – вскинула на нее глаза Чижик.

– Нил посвятил вам четыре стихотворения...

– По-моему, пять, – сказала Марина, глядя на Ольгу Арчиловну настороженно и подозрительно.

– Про пятое я не знаю. Это, наверное, совсем недавно...

– Да, Нил написал его неделю назад.

– Вы уговаривали Осетрова поступить в Литературный институт, – продолжала Дагурова. Ее стала забавлять игра.

– А он и слушать не хочет, – кивнула Марина. – Говорит: поэт не профессия, а призвание. Выучиться нельзя. Если есть талант – проявится и без Литинститута.

– И еще. То, что находится недалеко от Монаха, принадлежит вам обоим...

Девушка присела в кресло.

– И это вам известно! Но откуда? Нил ни за что и никогда не сказал бы вам этого!

В дневнике Нила была такая запись: «Договорились с Ч.: то, что у Монаха, принадлежит нам обоим. И если случится, что это очень понадобится кому-нибудь из нас, тот придет к

Монаху и выкопает...»

– Не сказал. – Дагурова пожалела, что увлеклась и затро- нула, кажется, какую-то их тайну. И чтобы исправить ошибку, ласково произнесла: – Поверьте, Мариночка, я не знаю, что там у вас спрятано, возле камня с таким необычным на- званием...

– Спрятано, – почему-то усмехнулась Чижик. – Ну да ни- чего не спрятано, – сказала она веселее. – Решительно ниче- го.

– А то, что вам Нил тоже делал подарки... – начала снова Ольга Арчиловна.

– Пожалуйста, могу показать. – Девушка вышла в дру- гую комнату и вскоре вернулась с большой картонной короб- кой. В ней лежали всякие диковины – закрученная спиралью и отливающая розовым перламутром раковина, гроздь про- зрачных кристаллов какого-то минерала, другой минерал по форме напоминал веточку.

– Коралл, – пояснила девушка. – Редкий. Сам Нил доста- вал. С аквалангом... А это знаете что? – показала она мут- новатый изогнутый кусок кости. – Бивень мамонта, настоя- щего.

Ольга Арчиловна вынула из ящичка странную безделушку – крохотный плоский бочонок на цепочке. Все это было сделано из серебра, а бочонок еще и отделан синими и розо- выми камешками.

– Изящная вещица, – сказала Марина. – Называется ту-

мор. Вроде амулета... Нил с Памира привез. Настоящая бирюза и настоящие памирские лалы. – Чижик нежно погладила камешки. – По-нашему – рубины... Вот сюда, – раскрыла она бочоночек, – клали бумажку с изречением из Корана. Считалось, что это оберегает человека от беды...

– Я вижу, у Нила страсть к путешествиям, – заметила Ольга Арчиловна.

– Да это его все Алексей Варфоломеевич с собой таскает...

– Кто?

– Меженцев. Папин заместитель... Профессор...

«Значит, это его письмо я обнаружила у Осетрова», – подумала следователь.

– Как заместитель? – удивилась она. – Он же, кажется, не живет здесь, в заповеднике?

– Приезжает, уезжает... Впрочем, я не знаю. Спросите у папы.

Дагурова невольно сравнила: японский магнитофон, такое дорогое платье, французские духи и эти диковины, собранные в разных далеких местах, цену которых трудно определить в деньгах, а надо измерять чем-то другим...

Авдонин и Осетров. Два совершенно разных человека. Со своими мерилami ценностей.

– Вы мне сказали: Нил жестокий. – Дагурова внимательно посмотрела на девушку, перебиравшую в руках подарка Осетрова. – Из чего вы это заключили?

– Я сказала, жестокий? – удивилась Марина. – Впрочем... В отношении браконьеров – да! Нил говорил, что, когда он видит браконьера, его буквально трясет! Наверное, потому, что его папу убили...

– Вы помните его отца?

– Очень смутно... Такие плечи широкие. – Девушка показала руками. – Густые усы... Я ведь маленькая была, когда его убили...

– А какие отношения у Нила с другими людьми?

– Ну, жестоким его назвать нельзя. Категоричный, что ли... У Нила все или черное, или белое. Это плохо, а это хорошо. Или любишь, или не любишь... Он оттенков не понимает... Родион Уралов выпил, и вы бы слышали, что он говорил! А Нил от него в восторге. Прямой, мол, честный парень...

– Так о чем Уралов говорил?

– Даже стыдно пересказывать... – Марина опустила голову. – Например, как актрисы получают роль, становятся звездами... Надо, говорит, понравиться режиссеру, стать его любовницей, тогда...

– Вы ему сказали, что хотите поступать в Институт кинематографии?

– Ну да! – недовольно воскликнула девушка. – Зачем мне ему говорить это. Эдгар Евгеньевич еще раньше сказал Родиону... Так вот, когда он стал такое рассказывать, мы поспорили. Я не верю, что это так... А если бездарная? Все

равно получит главную роль, став любовницей режиссера?

Ольга Арчиловна невольно улыбнулась.

– А что, я не права? – вскинула Марина голову. – Родион смеется, говорит, что поэтому у нас и хороших актрис наперечет... Все это гадко и пошло! Ну если думаешь так, то и молчи. Держи при себе...

– Авдонин был при этом разговоре?

– Нет. По-моему, он, знаете, так к Уралову не очень благоволил. Они знакомые давно, но близкими друзьями не были... А в тот раз встретились в аэропорту. Уралов летел на БАМ выступать с бригадой артистов... Эдгар Евгеньевич сказал, если будет, мол, время, заезжай в Кедровый. Просто ради вежливости... А Родион и прикатил. Понравилось ему здесь. Еще бы, все его приглашают, угощают. Живой киноартист! И по пьянствовать можно на дармовщину...

Марина закрыла коробку с подарками Осетрова.

– Ничего с собой не возьмете? – кивнула на коробку Дагурова. – В Москве любят всякие редкости...

– Просто некуда, – пожала плечами Марина. – Да и не знаю, где там буду жить... – Она задумалась о чем-то и продолжала: – Так хочется побывать в Центральном доме работников искусств. А Дом киноактера. Дом кино!.. Эдгар Евгеньевич обещал мне все показать, познакомить с интересными людьми. Звездами... Да и во ВГИКе многих знал...

– Обещал помочь с поступлением? – уточнила следователь.

– Да... – смутилась Марина. – Вы не подумайте, что я хочу пролезть по благу... Но все-таки лучше, когда знаешь обстановку, требования...

– А Осетрову вы об этом говорили?

Девушка кивнула.

– Как он прореагировал на то, что Авдонин взялся помочь? – спросила Дагурова.

– Никак. Просто сказал, что счастливым можно быть и здесь...

– Скажите, Марина, Нил никогда не высказывал в адрес Авдонина чего-нибудь оскорбительного, не грозился?

Вопрос этот был одним из главных, и Ольга Арчиловна долго готовилась, чтобы задать его. И кажется, это было самое удобное время.

– Я понимаю, для чего это вам нужно, – ответила девушка спокойно. – И знаю, что от этого зависит многое... Так, Ольга Арчиловна? Действительно, зависит?

Дагурова поняла: девочку она недооценила, та умеет определить главное.

– Вы как в этом анекдоте: что лучше – хороший диагноз или правильный, – сказала следователь с улыбкой. – Поймите, нужна правда! Всем. И вам и мне. И, если хотите, больше всего Нилу.

– Ну если я буду его топить, какая ему польза?

– Слово не то, девочка... – покачала головой следователь. – Я ведь тоже не собираюсь его топить... Ложь – пло-

хой помощник ему. Она все равно вылезет. Хоть самый кончик, а выглянет... Диагноз должен быть поставлен не только правильно, но и вовремя.

– Нет, никаких угроз я не слышала, – сказала Марина твердо. – И высказываний в адрес Эдгара Евгеньевича тоже... Но Нил его не любил...

– В чем это выразалось?

– Понимаете, это трудно объяснить... Недомолвки, само выражение лица, когда при Ниле заговаривали об Авдони-не... Нил даже не бывал в Турунгайше, если знал, что Эдгар Евгеньевич здесь... В этом характер Нила... Вам понятно, о чем я говорю?

– Разумеется. Да, кстати, позавчера, когда произошла вся эта история, Осетрову было известно, что Авдонин в запо-веднике?

– Не знаю...

– Вы ему не говорили?

– А зачем? Я ведь не маленькая, Ольга Арчиловна. Гово-рить с Нилом об Эдгаре Евгеньевиче – значит обидеть его... Нил мой друг, что бы там ни было. – Марина даже с каким-то вызовом посмотрела на следователя.

– Как получилось, что вы с Осетровым оказались в том месте, когда по распадку шел Авдонин?

– Это случайность! Честное слово, случайность! – горячо воскликнула девушка, хрустнув пальцами. – У нас с Ни-лом... Ну, словом, это было прощание... Нил говорил: у него

предчувствие – мы больше никогда не встретимся... Вернее, уже не будем друзьями. Что я забуду о нем... Он никогда в жизни не уедет из тайги, а я – из Москвы... И мы шли с ним, шли... Было очень грустно. Так хотелось плакать. И в Москву хочется, и тут... Потому что папа и Нил. Эти деревья, близкие, родные до каждого листочка. Меня ведь отец привез сюда совсем маленькой. Так привыкла! А как буду жить без Турунгайша? – Она в отчаянии развела руками.

– Это понятно, – сказала Ольга Арчиловна. – Каждому человеку дорого детство... Ну что ж, Мариночка, не буду больше отнимать у вас время, – сказала Ольга Арчиловна. – Вам столько надо еще сделать...

– Да, прямо не знаю, что куда складывать, – охотно согласилась прекратить беседу Чижик.

– Еще пять минут. Надо оформить протокол...

– Значит, это был допрос? – удивилась девушка.

Ольга Арчиловна кивнула.

– И вы все-все запишете?

– Нет, только то, что нужно для дела, – успокоила Чижика следователь.

Когда Дагурова прощалась с Мариной, в коридоре послышались шаги. Первой в комнату вбежала лохматая большая собака с остро торчащими ушами и умными глазами. Она остановилась и, казалось, с удивлением посмотрела на постороннего человека.

– Место, Султан! – приказала Марина. – Не бойтесь, Ольга

Арчиловна, он не тронет.

Тут вошел Федор Лукич.

– Не помешал? – спросил он вежливо.

– Мы закончили, – сказала следователь, направляясь к двери. – Ухожу. Такой момент... Прощание с родным домом...

– Надеюсь, не навсегда, – с нежностью посмотрел на дочь директор заповедника. – Каникулы, отдых – что может быть лучше Турунгайша?

– А сам уже грустишь, – обняла отца Марина.

– Ты тоже, – погладил ее по голове Федор Лукич.

Они выглядели очень трогательно, отец и дочь.

– Ольга Арчиловна, может, вам что-нибудь нужно? – поинтересовался Гай. Наверное, для порядка – до следователя ли ему сейчас.

– Спасибо, Федор Лукич... В Шамаюн попасть надо, так я позвоню, пришлют машину.

– Зачем? Я отвезу, – сказал директор.

– Нет, нет, – запротестовала Дагурова. – Просто не имею морального права... Сколько часов осталось у вас с Мариной...

– Все равно туда еду. – Он повернулся к Марине: – Прости, дочка, срочные дела. Вот так уж...

Марина поцеловала его в щеку. Гай и следователь вышли.

Глава 10

Машину Федор Лукич вел быстро, не особенно соизмеряя скорость с возможностями дороги. Уазик то несся лесом, то выскакивал на пригорок, то перемахивал через мостик, проложенный над говорливой речкой Апрельковой.

– Вы бы знали, какая морока отправлять покойника из такой глухомани... Никому нет дела. У всех какие-нибудь заковыки. То мастер запил, то бумажку надо подписать, а человек в отпуске, то... – Он махнул рукой. – При жизни мучаемся и после смерти... Не хотел я при Марине обо всем этом, – как бы объяснил Гай Ольге Арчиловне, почему вынужден мчаться в райцентр, когда по-людски должен был бы, просто имел право провести последний день с дочерью. – Ну, как вам Марина? – спросил он.

– Интересная девочка. И не простая. Свои мысли, рассуждения... А не боитесь отпускать ее одну в Москву?

– Сердце болит, конечно, – признался Федор Лукич. – Но ведь ей так хочется именно в Институт кинематографии! А ее желание для меня закон. Хотя, с другой стороны, не могу себе представить, что буду делать, если она поступит. Уже сейчас тоскую и ловлю себя на мысли: а может, не поступит? Вернется и опять будет рядом... – Он посмотрел на свою спутницу: – Нехорошо так думать, да?

– Что же поделаешь, раз так думается? – улыбнулась Да-

гурова. – Сердцу не прикажешь.

– А я считаю, что это плохо. – Гай вздохнул. – Получается, говорю Марине одно, а в душе другое. Дети очень чувствительны ко всякой лжи и лицемерию. И что самое опасное – восприимчивы...

Некоторое время они молчали, потом Дагурова спросила Гая о Меженцеве.

– Звонил сегодня. Обещал приехать. В самые ближайшие дни...

– Как же директор не знает, когда явится его заместитель? Федор Лукич покачал головой.

– Заместитель? Неизвестно, кто у кого... Алексей Варфоломеевич может иного председателя облисполкома заставить крутиться...

Выяснилось, что Меженцев числился заместителем Гая по науке как бы на общественных началах. Крупнейший ученый-биолог, он являлся одним из инициаторов создания заповедника Кедрового, можно сказать, его крестным отцом. С его мнением считаются даже в Москве, а тут он просто непререкаемый авторитет.

– А почему Алексей Варфоломеевич оказался замдиректора? Высокое начальство посчитало, что нужны знания и такой авторитет, как у Меженцева, чтобы принести как можно больше пользы заповеднику.

А трудностей было много, как это бывает с каждым новым делом.

Да и сейчас хватает.

Следователь поинтересовалась, как относится профессор к Осетрову.

– У них дружба. Оба непоседы. Заядлые путешественники, – сказал Гай. – Когда Меженцев узнал о случившемся, очень расспрашивал обо всей этой истории, разнервничался. А я при чем? Как было, то и передал...

«Значит, не в Чижике причина, почему Гай не может уволить Осетрова», – подумала Дагурова, вспоминая разговор с участковым о леснике.

Приехали в Шамаюн. Федор Лукич спросил, куда подвезти следователя. И кажется, удивился, что ей надо в психоневрологическую больницу.

Ксения Павловна Мозговая производила действительно странное впечатление. Высокая, в безупречно белом выглаженном халате. На сухих длинных пальцах ярко-алый маникюр. Из-под высокой накрахмаленной докторской шапочки кокетливо выпущены на морщинистый лоб кудряшки редких волос. Густо покрытое пудрой дряблое лицо, брови шпурочком и тщательно выведенное помадой сердечко губ. Облик довершал желтый в синий горошек бант, лежавший на отворотах халата.

– Все в норме у твоего паренька, – хрипела весело Ксения Павловна. – Ножки, ручки и все остальное. Реакция как у волка. Рефлексы – и Павлов позавидовал бы...

То, что психиатр оказалась на самом деле приветливой,

общительной, тоже удивило следователя: после телефонного разговора можно было подумать – брюзга и зануда. Но Мозговая сразу на «ты». Может быть, из-за разницы в возрасте?..

– А то, что он перенес сотрясение мозга в результате мотоциклетной аварии? – спросила Ольга Арчиловна.

– Ничего с ним не будет. Наследственность у него крепкая. Сейчас говорят гены. И потом – натаскан. Как хорошая лайка. На границе служил. Момент существенный... Значит, первое: хорошо ориентируется в пространстве. Второе – легко адаптируется в обстановке со многими неожиданностями. Третье – отличная реакция на эти неожиданности и правильная оценка их... Знаете, какие нужны обстоятельства, чтобы разладить такую машину! Я уж не говорю о том, что у него отменное зрение и слух, мои коллеги проверили...

– А алкоголь?.. – подсказала Ольга Арчиловна. – Бессонная ночь перед этим?..

– Он утверждает, что выпил немного. А вообще не пьет.

– Тем более. Значит, непривычен.

Мозговая скрестила руки на груди.

– Тут ты права, – сказала Ксения Павловна, подумав. – Реакция на алкоголь – вещь индивидуальная. Одних угнетает, других возбуждает... А что есть наша психика? Череда возбуждений и торможений... Хочешь, проверим Осетрова основательно? Но для этого надо будет положить в больницу...

Дагурова допускала возможность проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Но не теперь.

– Сейчас преждевременно, – сказала она.

– Смотри, – хрипло бросила Мозговая. – Хозяин – барин.

– Ксения Павловна, но в принципе возможно, что Осетров, как вы выразились, неправильно реагировал в тот момент? Вытянутую руку принял за ружье, спокойно идущего человека – за тайком крадущегося? И так далее...

– А ты сама? Не случилось – видишь ветку в окне, а кажется, что-то диковинное, пугающее? Все мы люди... За сорок пять лет практики я такое видывала. Вот скажи, может девочка в тринадцать лет видеть сквозь землю?

– В каком смысле? – Следователь уже привыкла к неожиданностям Мозговой и теперь не ломилась в открытую дверь.

– Даже не видеть... В общем, необъяснимый феномен. Почище, чем Кулешова. Вы, наверное, читали о такой?

– О Кулешовой? – переспросила Дагурова. – Это которая умела читать руками?

– А точнее, обладала так называемым кожным зрением. Помните, ей давали конверт, в котором был запечатан лист бумаги с текстом. Она водила по конверту рукой и читала, что написано на вложенном внутрь листке... Так вот, девочка, о которой я хочу рассказать, – тоже феномен в своем роде.

Ксения Павловна встала из-за стола, вышла на середину кабинета и, указывая на пол обеими руками, начала рассказывать:

– Похоронили ее отца. В гробу. В могилу. Как положе-

но. Проходит день, проходит другой, девочка стала заговариваться. Пристает к взрослым. Твердит, что жив отец, и все тут. Голова у него, говорит, белая-белая! И дышит...

Мозговая замолчала. Ольге Арчиловне стало, честно говоря, не по себе. А Ксения Павловна продолжала:

– Добилась-таки своего. На третий день разрыли могилу. И что же ты думаешь?

– Жив? – подсказала следователь. – Ведь что могло быть невероятнее?

– Совершенно правильно. Но самое главное – действительно седой как лунь... Ну с точки зрения медицины сам по себе случай с мнимой смертью – явление объяснимое. Что-то вроде летаргического сна. И если бы покойника в кавычках осмотрел врач, установил бы, в чем дело. А история произошла в глухомани, родственники поспешили совершить обряд...

– Из местных, что ли?

– Ну да.

– Когда это было?

– Лет двадцать назад... Но какова девочка! Меня этот случай заинтересовал. Встретилась с ней, привезла сюда. Наблюдала... Подготовила доклад на областную конференцию психиатров...

Ксения Павловна вздохнула, села на свое место и ухватилась за мундштук.

– А дальше? – спросила Дагурова. Рассказ ее очень заин-

тересовал.

– Дальше? – Мозговая хрипло рассмеялась, закашлялась. А потом со странной веселостью произнесла: – Этим докладом заработала себе репутацию ненормальной... Да и ты так считаешь... Предупредили?

– Что вы... – растерялась Дагурова.

– Брось. Ты как вошла, я сразу увидела. – Ксения Павловна лукаво подмигнула следователю: ничего, мол, привыкла к этому. И уже серьезней добавила: – Как ты решилась ко мне обратиться?

– Вы же специалист...

– А мне следователи неохотно поручают проведение судебно-психиатрической экспертизы. А если и поручают, то суды назначают повторную. Кому-нибудь другому... Но диагноз, который ставлю я, всегда совпадает с повторным. И даже выводы московских экспертов ни в чем не расходились с моими, – закончила она с гордостью.

– Ксения Павловна, почему бы вам не опубликовать материалы о той девочке? – спросила Дагурова. – Они сохранились?

– Лежит папочка. – Врач похлопала по маленькому сейфу, стоящему на тумбочке в углу. – Только стара я теперь высываться. Пока докажешь... Комиссии всякие, консилиумы. Да и не знаю, где эта девочка сейчас... Кучумова ее фамилия. Может, замуж вышла, сменила фамилию... И еще почему не хочется ворошить. Бывает, в детстве вундеркинд,

а вырастет – превращается в обыкновенного индивидуума. Как мы с тобой...

– Ну а как вы, психиатр, объясните феноменальные способности Кулешовой или той девочки, Кучумовой? – спросила Дагурова. – Для меня все это мистика. Как хиромантия, астрология, графология...

– Кое-что объяснить можно. Но во многом такие явления пока что остаются загадкой для науки.

– А может быть, просто шарлатанство?

– Нет, далеко не всегда! – воскликнула Ксения Павловна. – Легко сказать: этого нет, потому что не может быть! По моему, отрицать вещи, до смысла которых наш разум просто еще не дошел, тоже в своем роде невежество... Да, многое еще требует научного осмысления. Организм человека, а главное – его психика – это целый космос, невиданные возможности которого нам еще открывать и открывать. И поражаться. – Ксения Павловна спохватилась: – Ой, заговорила я тебя...

– Ну почему же, – улыбнулась Ольга Арчиловна. – Мнение специалиста всегда интересно... Да, у меня еще один вопрос. Отец Осетрова погиб трагически при задержании браконьера. Как это могло повлиять на Нила? И имеется ли связь с событиями в заповеднике, когда Осетров стрелял в Авдони-на?

– Конечно, смерть отца, именно такая смерть, отложила отпечаток на сознание парня. Это, по моему, скажет даже

неспциалист, – чуть усмехнулась Мозговая. – Идея фикс, что ли. Мстить. Но вот о прямой связи... – Ксения Павловна развела руками. – Я бы не взялась утверждать что-либо определенное. Ведь все зависит от индивидуальности. Один более впечатлительный, другой менее... Но на вашем месте в оценке личности Осетрова я бы учитывала сам факт.

Шамаюн был тихим зеленым городком, расположившимся между невысоких пологих сопок, покрытых редким лесом. Сохранилось много деревянных домов, рубленных из крепких лиственничных бревен.

До райотдела милиции рукой подать. И Ольга Арчиловна добралась до него не спеша, за каких-нибудь восемь-десять минут.

Размышляя о разговоре с Мозговой, она все больше приходила к выводу, что Осетров не мог ошибиться там, в распадке, вечером. Вернее, такой парень, как он, – охотник, пограничник, с зорким глазом и верным слухом – вряд ли бы что-то напутал. Выходит, или врал, или все произошло так, как он показал на допросах.

Райотдел внутренних дел находился на первом этаже трехэтажного кирпичного дома. У крыльца следователь столкнулась со старым знакомым – под сенью молодой пихты сидел на земле Рекс и внимательно смотрел на зарешеченные окна. Заметив Дагурову, он вдруг оскалил зубы и зарычал. Что-то грустное шевельнулось в душе Ольги Арчилов-

ны. Она подумала: «Можем ли мы, люди, быть такими преданными и верными? А что будет, когда Нилу дадут срок?..»

Дежурный проводил ее к начальнику райотдела майору Иргынову. В кабинете находилась заплаканная женщина.

– Заходите, заходите, товарищ Дагурова... Присаживайтесь. Я буквально еще минуту...

Ольга Арчиловна села на один из стульев, стоящих вдоль стены.

– Что же мне с тобой делать, Степанова? – обратился к женщине Иргынов. Он был коренаст, смугл, нос приплюснут и широковат в ноздрях, что выдавало в нем аборигена.

– Да на кой ляд они мне, век соболей не носила... – осипшим голосом оправдывалась женщина, кивая на лежавшие перед майором на столе две шкурки. – Вам и Тонька может подтвердить... Хотела только проверить и убедиться... Честное слово, товарищ начальник!..

– Это мы уже слышали! – сурово сказал Иргынов и устало махнул рукой. – Ладно, иди, Степанова... И запиши на бумаге все, как было. Поняла?

– Поняла, товарищ начальник, – обрадованно проговорила женщина, утирая ладонью глаза.

– Но мы еще проверим, – как бы упреждая преждевременную радость, сказал начальник райотдела и попросил дежурного дать ей бумагу и ручку для объяснения.

– Она сказочки рассказывает, а мы слушай, – покачал головой майор, когда они остались со следователем одни. – Ир-

гынов сам умеет такие небылицы рассказывать, что никакой писатель не выдумает. – Он сузил свои и без того узкие глаза и довольно засмеялся. – Уверяет, что за два соболя две бутылки... И в это Иргынов поверит, с трудом, но поверит. Алкоголик родную маму отдаст за бутылку... Клянется, мол, эти два соболя понесла к скорняку убедиться, что действительно это соболя, а потом отнести их к нам... Такое и моя бабушка сочинить бы не могла. – Майор перестал смеяться и бережно взял со стола шкурку, запустил в нее растопыренную руку и медленно, с наслаждением провел против шерсти. Она мягко облегла его пальцы, блеснув серебристой подпушью.

Ольга Арчиловна впервые видела соболиный мех. И ей самой хотелось вот так, как майор, попробовать его на ощупь. Правда, Иргынов это делал с каким-то особым умением, что ли. Как делает, наверное, настоящий охотник. Или человек, с детства окруженный шкурами и мехами.

– Браконьер, наверное, какой-нибудь из тайги принес, – высказал предположение майор. – Пропился и побежал к буфетчице. – Он кивнул на дверь, имея в виду, вероятно, ту женщину, что ушла с дежурным. – А скорняки все предупреждены. Если слева – сразу к нам... Соболя – главное богатство района. А его всякий нехороший человек бьет... Меня на каждом совещании ругают: Иргынов слепой, Иргынов не видит ничего... А как за ними уследишь? Ничего, они еще не знают Иргынова, – сурово пригрозил он кому-то. – Я от

нее добьюсь правды!

Спохватившись, что у него сидит следователь, майор запер шкурки в сейф и поинтересовался, как прошел допрос Осетрова.

Хвастать было нечем. Подозреваемый наотрез отказался разговаривать, потому что, как поняла Ольга Арчиловна, его показывали психиатру.

Глава 11

Послonyaвшись без дела, а главное, не найдя собеседника, Иван Иванович Кабашкин часу в девятом утра решил отправиться по грибы. Он надел сапоги, куртку, намазался противокомариной мазью, сунул в карман перочинный нож – спутник походов за грибами.

«Но во что собирать?» – подумал Кабашкин. Любимое лукошко покоилось в чулане его дома за сотни верст отсюда.

В кухне академгородка он нашел новенькое цинковое ведро.

– Сойдет, – сказал медик, зачем-то пробуя его на звук. Ведро загремело, как шайка в бане. – Были бы грибочки.

Кабашкин так бы и ушел один. Но вернулся Веселых. В растрепанных волосах Артема Корнеевича застряли хвоинки, веточки, а в руках он бережно, как хрустальную вазу, держал ровно спиленный плоский чурбачок.

– С трофеем? – приветствовал его медик.

– Кажется, порядок, – степенно ответил эксперт. И показал пальцем на отверстие в дереве. Приятно запахло свежесрубленной елью. – Здесь пуля, которой, видимо, убит Авдонин. Нашли метрах в двадцати от места, где он лежал.

Когда человеку везет, он великодушен. И хотя Артем Корнеевич уже оттопал километров десять-пятнадцать, он без всяких колебаний согласился пойти с Кабашкиным по гри-

бы.

До рощицы, что заметил Иван Иванович, дошли быстро. Темп задавал медик, как бы опасаясь, что кто-нибудь опередит их и обчистит лес от грибов.

Но как только они достигли выбранного места и оказались в белизне берез, Кабашкина словно подменили. Он брел с отрешенностью лунатика, обшаривая землю своими зоркими глазами. И действия его со стороны выглядели странными. То он топтался вокруг какого-нибудь пня, то сосредоточенно обходил со всех сторон с виду неприметное дерево, то лез в ельничек, шурша курткой о неподатливые, разлапистые ветви, то приподнимал палкой ворох прошлогодних листьев.

Веселых старался держаться поближе, но Иван Иванович недовольно заметил:

– Что это вы за мной по пятам... Сторонкой берите. Не потеряемся.

– Бойтесь, ваши сорву? – добродушно усмехнулся Артем Корнеевич.

– Фронт пошире возьмем, – смущенно ответил Кабашкин, словно его и впрямь уличили в жадности.

Веселых понял – перед ним фанатик. А у таких свои причуды и правила. Он решил не попадаться на глаза напарнику, изредка перекликаясь с ним коротким «ау», которое по своему усмотрению дробило и размножало лесное эхо.

Но не только чужие, и свои не давались в руки Артему Корнеевичу. Когда они сошлись спустя час, Веселых мог по-

хвастаться лишь десятком хлипких сыроежек, которые совсем раскрошились в целлофановом пакете, прихваченном из академгородка.

– Небогато, – сказал Иван Иванович. – Я думал, у вас целый воз. Если уж пулю разыскали...

– То техника помогла, – отшутился Веселых.

– А что, может, изобретут когда-нибудь грибоискатель.

– Вам, по-моему, он не нужен.

Кабашкин довольно хмыкнул. Его трофеям можно было позавидовать – больше половины ведра упругих подосиновиков, розовых волнушек, ярко-оранжевых лисичек. И даже сыроежки, собранные Иваном Ивановичем, были крупные, мясистые.

Решили передохнуть. На открытом, проветриваемом месте (чтобы сдувало комаров) нашли небольшой бугорок с пеньком. Кабашкин поставил ведро на пенек, а сам, расстелив под бугорком куртку, уселся на нее, затянувшись сигаретой. Артем Корнеевич примостился рядом и, казалось, задремал.

Иван Иванович почтительно молчал, прислушиваясь к тайге. Стояла та особая тишь, которая была полна звуков и в то же время оставалась тишиной. Шептались кроны деревьев, перекликались птицы, вдалеке слал кому-то телеграфные трели дятел. У Кабашкина невольно слипались веки. Сквозь наплывающую сонливость слышались как будто чьи-то голоса, смех. Стоило открыть глаза, и людские голоса ока-

зывались не чем иным, как прозрачным гомоном леса, который пробуждал в сознании смутные образы.

Кабашкин стряхнул с себя оцепенение и хотел было подняться, но вдруг над ним словно что-то разорвалось. Где-то совсем рядом прогремел выстрел.

Слетело с пенька ведро, рассыпались по траве грибы. Иван Иванович от неожиданности припал к земле, словно ожидая следующего выстрела. Артем Корнеевич вскочил на ноги. Метрах в десяти стояли двое мальчишек. Крепких, загорелых, в одинаковых спортивных костюмчиках и кедах. Одному было лет десять, другой постарше года на два. Он-то и держал в руках карабин.

– Вы что?! – задохнувшись от негодования, выкрикнул Веселых. – Могли же в нас!..

Удивление на ребячьих лицах сменилось испугом. Было видно, что у обоих большое желание задать стрелкача.

– Что же это творится, а? – сокрушался Кабашкин, зачем-то поднимая и осматривая пробитое навывлет ведро. – Новенькое ведь совсем... – Иван Иванович все не мог прийти в себя. Руки у него дрожали.

– Вот надеру уши! – наступал Артем Корнеевич на пацанов.

Те стояли, боясь пошевелиться.

– А мы... мы... – пролепетал младший, невольно заходя за спину старшего.

– Вы хоть соображаете, что могли натворить! – покачал

головой Кабашкин, оставив наконец ведро в покое.

– Да вот... нашли... – показывая ружье, сказал старший. – Решили попробовать.

– Как это нашли? Где? – сурово спросил Артем Корнеевич, не отрывая взгляда от карабина.

Трехствольный, с оптическим прицелом, он был богато отделан инкрустацией и чеканкой.

– Там, – куда-то неопределенно показал старший.

– И еще вот это, – словно подтверждая, что они не обманывают, вынул младший из-за пазухи кожаный бумажник, сложенный листок бумаги и протянул Артему Корнеевичу.

Веселых раскрыл его. На землю выпало несколько белых прямоугольников. Артем Корнеевич поднял их.

Это были визитные карточки. На гляцевитой плотной бумаге тускло сверкала витиеватая надпись, тисненая бронзой: «Эдгар Евгеньевич Авдонин, доцент, кандидат биологических наук». Дальше шел адрес, номер телефона. На другой стороне-то же самое, но по-английски. А сложенная бумажка была вырвана из школьной тетради. Грязная, замусоленная. Кто-то безграмотно-корявым почерком записал на ней стихи.

Тихо и мрачно в тюремной больнице
Сумрачный день сквозь рашотки глдит
И перед дочерью бледной и хилой
Мать ее с плачем стоит.
Дочка ее там Тамара лижала

В тяжком бреду и в глубоких слезах
С грудью пробитой бессвязно болтала
Череп проломленный глаз не видать...

– Тюремная лирика, – сказал Кабашкин, рассматривая бумажку.

– Это где лежало? – спросил у притихших ребят Артем Корнеевич.

– Где и ружье. Рядом, – ответил старший.

Эксперты разыскали Дагурову по телефону в райпрокуратуре. Услышав о находке, она тут же отправилась в Турунгайш.

Ружье принадлежало Авдониному. Это подтвердил Юрий Васильевич Сократов, научный сотрудник заповедника. Он и был отцом мальчишек – Кирюшки и Славы.

Ребята пошли в тайгу проведать лисью нору, где они весной видели совсем маленьких лисят. По дороге затеяли игру в зоску⁴. Поссорились. Младший, Кирюшка, чтобы досадить брату, забросил его зоску в кусты. Слава полез ее искать и наткнулся на ружье, бумажник и листок со стихами. Мальчишки забыли о ссоре, о лисятах. Один из стволов был заряжен патроном. Удержаться, чтобы не пальнуть, было невозможно (какие они тогда мужчины!). Кинули монетку, кому

⁴ Зоска – детская игра: кто большее число раз подкинет ногой кусочек меха с прикрепленным к нему пятаком или свинцовой бляшкой (*местн.*).

выпадет такое счастье.

Повезло старшему, Славе, о чем свидетельствовал здоровенный синяк на его скуле – след удара приклада при отдаче. А мишень? Что может быть лучше сверкающего на солнце цинкового ведра?..

На вопрос Дагуровой, откуда ребяташки умеют владеть ружьем, они сказали, что научил их Нил Осетров.

Выяснилось, что в интернате, в райцентре, где учились Кирюшка и Слава, Нил организовал школьный кружок любителей природы под названием «Соболек». В нем ребята познают не только азы природоведения, но и учатся обращаться с охотничьим оружием, ходить по звериному следу, охотиться с собакой. Кружковцы бывают на кордоне у Осетрова, где он проводит занятия, так сказать, на природе...

Но, в общем, Сократовы оказались толковыми ребятами. Отыскали место и подробно объяснили, как и где лежали ружье, бумажник и листок со стихами. И были весьма обескуражены поведением взрослых: то их ругали (отец даже отпустил пару хороших затрещин), а в довершение всего – похвалили.

Глава 12

Дагурова, Кабашкин и Веселых обсуждали находки в академгородке. Ивану Ивановичу и Артему Корнеевичу предстояла еще дорога. Пропускать вертолет было нельзя: следующий рейсовый летел через день. До аэропорта в Шамаюне их обещал подбросить Гай.

– Бывает же, – сказал Иван Иванович, – пошли по грибы, а вернулись с вещдоками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.